

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор П. А. Кабанов / Persons in charge of selection P. A. Kabanov

Редактор рубрики Дж. Шаббар / Rubric editor J. Shabbar

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.625-665>

УДК 343.1:343.8:343.9(73)

Р. А. ЛЕО¹

¹ Университет Сан-Франциско, г. Сан-Франциско, США

ПРОБЕЛЫ ПРАВОСУДИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ричард А. Лео, профессор права и социологии, Университет Сан-Франциско
E-mail: rleo@usfca.edu

Аннотация

Цель: обобщение и изучение правоприменительных ошибок во время предварительного расследования, судебного следствия и исполнения приговора в американской уголовно-исполнительной системе.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: в работе достаточно подробно описаны и раскрыты четыре основных причины правоприменительных ошибок, которые встречаются во время предварительного расследования, судебного следствия и исполнения приговора в американской уголовно-исполнительной системе. К ним относятся: ложное признание, ошибочное опознание свидетеля, ошибка судебной экспертизы, ложное свидетельство информатора в местах лишения свободы. Неслучайно поэтому основной задачей эмпирических исследований криминологов и других ученых по минимизации правоприменительных ошибок в сфере уголовного судопроизводства за последние десятилетия стало требование о большей прозрачности в процессе сбора доказательств, а также развитие и внедрение лучших практик, основанных

© Лео Р. А., 2022. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<http://rusjel.ru>) 25.09.2022

© Leo R. A., 2022.

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* (CCJLS) и The Western Society of Criminology: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском: Leo, R. A. (2014). The Justice Gap and the Promise of Criminological Research, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15 (3), 1–37.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/419-the-justice-gap-and-the-promise-of-criminological-research>

на социологических исследованиях. Развитие концептуального знания важно не только для создания системных, обобщающих и фундаментальных подходов к проблеме правоприменительных ошибок, но и чтобы показать законодателю, что на чаше весов – судьбы людей, а также существенные социально-правовые издержки.

Научная новизна: в работе рассмотрены существующие проблемы в американской уголовно-исполнительной системе, которые встречаются на этапе предварительного расследования, судебного следствия и исполнения приговора. Среди них проблемы полицейских допросов, ложных признаний и судебных ошибок, приводящих к осуждению невиновного.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с минимизацией правоприменительных ошибок, которые встречаются на этапах предварительного расследования, судебного следствия и исполнения приговора в американской уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: правосудие, криминология, полицейский допрос, ложное признание, судебная ошибка, правоприменительная ошибка

Благодарности: автор выражает благодарность Hank Fradella, Val Jenness, David Johnson и Kim Richman за полезные предложения.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Лео Р. А. Пробелы правосудия и перспективы криминологического исследования // *Russian Journal of Economics and Law*. 2022. Т. 16, № 3. С. 625–665. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.625-665>

The scientific article

R. A. LEO¹

¹ University of San Francisco, San Francisco, USA

THE JUSTICE GAP AND THE PROMISE OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Richard A. Leo, Hamill Family Professor of Law and Social Psychology, University of San Francisco
E-mail: rleo@usfca.edu

Abstract

Objective: to summarize and study the law-application errors during preliminary interrogation, court investigation, and conviction in the American criminal justice system.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and *The Western Society of Criminology* Hosting by *Scholastica*. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Leo, R. A. (2014). The Justice Gap and the Promise of Criminological Research, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15 (3), 1–37.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/419-the-justice-gap-and-the-promise-of-criminological-research>

Лео Р. А. Пробелы правосудия и перспективы криминологического исследования
Leo R. A. The Justice Gap and the Promise of Criminological Research

Results: the work describes in detail and considers four main causes of law-application errors occurring during preliminary interrogation, court investigation, and conviction in the American criminal justice system. These include: false confessions, eyewitness misidentification, forensic error, and perjured jailhouse informant testimony. Hence, it is not accidental that the main task of empirical research of criminologists and other researchers in the past two decades has been a call for greater transparency in the evidence-gathering process and the development and implementation of best practices based on social science research. Developing conceptual knowledge is important not only for creating a more systematic, generalizable and respectable criminology of wrongful conviction, but also to better inform policy-makers' understandings that people's lives may be at stake, as well as trade-offs of wrongful convictions.

Scientific novelty: the work considers the current problems in the American criminal justice system, that occur during preliminary interrogation, court investigation, and conviction. Among them are the problems of police interrogations, false confessions and court errors, leading to wrongful convictions.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the minimization of errors occurring at the stages of preliminary interrogation, court investigation, and conviction in the American criminal justice system.

Keywords: Justice, Criminology, Police interrogation, False confession, Judicial error, Law-application error

Acknowledgements: I thank Hank Fradella, Val Jenness, David Johnson, and Kim Richman for helpful suggestions.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Leo, R. A. (2022). The Justice Gap and the Promise of Criminological Research. Russian Journal of Economics and Law, 16 (3), 625–665. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.625-665>

*«В том крохотном мире, где существуют дети, – говорит Пип в «Больших надеждах» Диккенса, – ничто не воспринимается так тонко и не чувствуется так остро, как несправедливость...»
Однако обостренное восприятие явной несправедливости характерно и для мира взрослых.
Нами движет, и это вполне логично, не столько понимание того, что мир не во всем справедлив, ведь мало кто этого ожидает, сколько то, что вокруг существуют легко исправимые несправедливости, которые мы хотим устранить.*

Амартия Сен «Идея справедливости» [1. Р. VII]

Получение академической награды – это всегда большая честь, особенно если она явилась результатом карьерных достижений, ведь такая награда служит выражением признания многих часов, дней, недель и лет одинокого, часто никем не видимого труда исследователя, а также, разумеется, качества и значимости этого труда. Однако, чествуя заслуги отдельного ученого, легко забыть о роли всего научного сообщества. В мире крайне мало вещей, которые делаются в одиночку, и академические исследования не являются исключением. Наука – это всегда коллективный труд [2].

Как и все мы, я чрезвычайно благодарен людям, которые ввели меня в мир криминологии. На протяжении моей трудовой биографии я имел счастье учиться у таких выдающихся криминологов, как Франк Зимринг, Джером Сколник, Малькольм Фили, ныне покойный Шелдон Мессингер (*Frank Zimring, Jerome Skolnick, Malcolm Feeley, Sheldon Messinger*), а позже работать вместе с великолепными специалистами, такими как Джоан Петерсилия, покойный Гилберт Гейс, Генри Понтел, Черил Максон, Майкл Готтфредсон, Эллиот Карри (*Joan Petersilia, Gilbert Geis, Henry Pontell, Cheryl Maxson, Michael Gottfredson, Elliott Currie*). Все они были лауреатами премии Пола Таппана Западного общества криминологии. В том числе поэтому получение этой премии – огромная честь для меня.

Исследования моих учителей и коллег в области криминологии, как и практически всех членов упомянутого общества, имеют одну общую черту. Независимо от методологического подхода или излюбленной теории, все мы стремимся в той или иной форме посредством наших исследований помочь системе уголовного правосудия стать более справедливой – или, говоря словами нобелевского лауреата по экономике Амартия Сен, устранить «явные несправедливости вокруг нас» [1. Р. VII]. Я называю это явление пробелом правосудия. Его можно определить как разницу между обещанием справедливости, заложенным в наши формально демократические правовые институты, и фактическим отправлением правосудия в реальной деятельности этих институтов.

Наши лучшие криминологические исследования направлены на понимание и ликвидацию этих пробелов правосудия. Среди самых ярких примеров – работы, посвященные тюрьмам и результатам тюремного заключения [3–6], соглашениям о признании вины и уголовным судам низших инстанций [7, 8], смертной казни [9–11], ювенальной юстиции [12, 13], деятельности полиции [14–16]. Эти работы имеют определенную цель, направленную на решение какой-либо проблемы [17], и они показывают, что криминологические исследования способны закрыть пробелы правосудия в отношении конкретных правовых практик и институтов и дать понимание направления реформ для их ликвидации или, по крайней мере, уменьшения. Криминологи находятся в уникальном положении: именно они могут выявить и изучить пробелы правосудия в правовой системе Америки, поскольку обладают как навыками методологически строгих эмпирических исследований, так и знанием фактического материала в указанной области. Другими словами, именно криминологи могут определить проблему и предложить варианты ее решения.

В данной статье мы обсудим влияние нескольких пробелов в американской системе уголовного правосудия на сферу моей исследовательской деятельности. В частности, мы рассмотрим проблемы полицейских допросов, ложных признаний и судебных ошибок, приводящих к осуждению невиновного, а также практические шаги по совершенствованию качества отправления правосудия в этих сферах. Как и другие исследователи, я считаю необходимым изучить широкий спектр взаимосвязанных вопросов, чтобы продвинуть общий уровень знаний в данной области; это позволит многим заинтересованным лицам: ученым, сотрудникам правоохранительных органов, законодателям, представителям СМИ и простым гражданам – лучше понять, как образуются пробелы правосудия и что можно сделать для их ликвидации. Надеюсь, что эта работа отразит широкий научный взгляд на различные проблемы американского правосудия, включая проблемы полицейских допросов, ложных признаний и ошибочного осуждения невиновных.

Допрос (с принуждением) и (ложное) признание Бредли Пейджа

Осенью 1984 г. я был старшекурсником Калифорнийского университета в Беркли. Там же учился и Бредли Пейдж, хотя мы не были знакомы. 4 ноября 1984 г. его девушка, Роберта Биби Ли, также студентка Беркли, пошла на пробежку в парк Редвуд в районе Окленд Хиллз и не вернулась. Пять недель спустя, 9 декабря 1984 г., ее найдут неподалеку убитой тремя сильными ударами в основание черепа. Хотя против Пейджа не было никак улик, следователи из полиции Окленда сразу решили, что именно он убил Ли, по той единственной причине, что был ее парнем, как позже объяснил один из детективов в телевизионном выступлении. Пейджа вызвали на допрос на следующий же день. Через 16 часов непрерывного допроса с использованием методов давления Пейдж дал неясные, спутанные и умозрительные признательные показания в убийстве Биби Ли и последующем изнасиловании ее труп. На первом заседании в 1986 г. суд присяжных обвинил Пейджа в преднамеренном убийстве первой и второй степени, однако позже, во время второго суда в 1988 г., он был осужден за умышленное убийство при смягчающих обстоятельствах и провел почти три года в тюрьме штата.

Дело Пейджа изучали многие специалисты и пришли к выводу, что, по многим признакам, его признание было ложным и что нет никаких улик, связывающих его с этим преступлением [18–22]. Тщательно проанализировав все первичные документы по делу Пейджа, я также считаю, что его признание абсолютно ложно [19, 20] – «полная чушь», по словам известного социального психолога Эллиота Аронсона¹ – и что Пейдж

¹ Elliott Aronson. Eye to Eye with Connie Chung [Television news broadcast]. (1994, January 13). New York, NY: CBS Broadcasting, Inc.

совершенно невиновен в смерти Ли, за которую он был ошибочно осужден и заключен в тюрьму. Признательные показания Пейджа содержат многочисленные признаки недостоверности, которые, как мы теперь знаем, характерны для ложных показаний [23]. В них содержится огромное количество явных ошибок, физически невозможных свидетельств, противоречий, нестыковок, неправдоподобных утверждений и несоответствий; его показания не совпадают с фактами, известными относительно этого преступления; не упомянуты детали, которые мог знать только истинный преступник, но не полиция; информация не подтверждается. Признание Пейджа несогласованно и противоречит физическим уликам. Рассмотрим, например, следующие факты:

1. Пейдж утверждал, что Ли умерла после того, как он ударил ее рукой, отчего она упала и потеряла сознание, при этом из носа у нее пошла кровь. Однако такой удар не мог убить Ли, так как не мог привести к появлению трех крупных переломов черепа, о которых в момент допроса не знали ни Пейдж, ни полицейские. (Позже стало известно, что смерть наступила от трех ударов по голове острым предметом.)
2. Пейдж показал, что после убийства изнасиловал Биби Ли (в тот момент такова была версия полиции), однако позже было установлено, что это было невозможно из-за трупного окоченения, а также при вскрытии не было найдено следов спермы.
3. По показаниям Пейджа, он занимался сексом с мертвым телом на одеяле, взятом из его машины, однако на одеяле не было никаких следов сексуальных действий; не было также пятен крови (от массивного кровотечения из обширных ран на голове), признаков отмывания пятен, волос Ли.
4. По словам Пейджа, он закопал тело Ли с помощью колпака от запасного колеса, которое было в его машине, однако волокна и частицы почвы с колпака не соответствовали ни волокнам с одежды Ли, ни почве, где было найдено ее тело.
5. Пейдж утверждал, что протаскил тело Ли по земле более ста ярдов до места захоронения, однако 16 следователей и шесть поисковых групп с собаками не нашли на земле следов крови, хотя провели на этом участке сотни часов начиная со следующего дня после ее исчезновения.

Помимо этого, полиция Окленда и обвинители округа Аламеда проигнорировали показания свидетеля, указывавшего на другого подозреваемого. Эта свидетельница, Карен Маркадт, сообщила, что видела бородатого мужчину, который заталкивал женщину в фургон возле парка Редвуд в день исчезновения Ли, а затем опознала Ли как женщину, которая боролась с этим мужчиной. Через двенадцать дней собака-ищейка определила запахи Ли на том месте, где Маркадт видела борьбу, при этом след никуда не привел, что соответствует тому, что Ли затолкали в машину. Кроме того, в 1994 г. в новостном шоу *CBS «Eye to Eye»* Майкла Иде опознали как возможного убийцу Ли. Десятилетие спустя Ричард Офши и я писали:

«Иде, неоднократно осужденный за убийства, говорил своим сокамерникам в тюрьме штата Вашингтон, что за десять лет до этого убил нескольких женщин в районе залива Сан-Франциско, из которых одна была не белой. Иде внешне напоминал человека, который заталкивал Ли в фургон в день ее исчезновения. Известно, что Иде находился в тот период времени в том районе, и это преступление совпадает по типу действий и типу жертвы с другими преступлениями, совершенными им. Когда отдел шерифа округа Аламеда узнал об Иде, они изучили несколько дел об убийствах того периода и обнаружили, что ДНК Иде совпадает с ДНК, найденным на женщине, которая была похищена (как и Ли, согласно показаниям свидетельницы), убита (как Ли) и изнасилована (как, вероятно, Ли) в Ист Бэй через три недели после убийства Ли» [20. Рр. 357–358].

Кроме того, что внешность Иде совпала с описанием похитителя Ли, тем самым подтверждая показания Маркадт, он также работал в тот период доставщиком в шести милях от места убийства Ли и мог пользоваться фургоном. Однако обвинители из округа Аламеда проигнорировали эти данные и отказались заново открывать дело.

Независимо от того, убил Майкл Иде Биби Ли или нет, значимых доводов в пользу виновности Бредли Пейджа никогда не было, как и значимых улик, подтверждающих его ложное признание². Почему же он при-

² В опубликованном заключении Апелляционного суда штата Калифорния, где пересматривалось дело Пейджа, отмечено, что, кроме признательных показаний, против Пейджа были существенные улики [24. Р. 161]. Это утверждение ложно и, без сомнения, отражает предубеждающее влияние признания Пейджа на профессиональное суждение юристов. Признание Бредли Пейджа не позволило увидеть его невиновность [25].

знался? Потому что полиция применила обманные, манипулятивные и принуждающие методы и стратегии, которые в ходе длительного допроса запутали и запугали наивного молодого человека, заставив его (а) начать сомневаться в своей памяти; (б) на время поверить, что он мог потерять рассудок и убить свою девушку, хотя он этого и не помнит, а затем (в) придумать, как он мог сделать это, пытаясь угодить давящим на него следователям. В Оклендском отделении полиции Пейджа непрерывно допрашивали с 10:12 10 декабря до 02:15 11 декабря 1984 г. сначала два следователя (сержанты Харрис и Лейсер), затем на полиграфе (сержант Фурри), затем снова сержанты Харрис и Лейсер и наконец заместитель окружного прокурора округа Аламеда Арон Пейн и инспектор Кевин Леонг (полный отчет см. [18]). Некоторые эпизоды допросов были записаны, но полной записи нет, в том числе нет записи допроса после исследования на полиграфе.

Во время незаписанного допроса сержанты Харрис и Лейсер неоднократно обвиняли Пейджа в убийстве Ли; объявляли его отрицающие вину показания ложными, не соответствующими фактам; постоянно говорили о множестве улик, якобы имеющихся против него; заявляли, что его вина объективно и неопровержимо доказана³. Сержанты Харрис и Лейсер повторяли, что Пейдж провалил допрос на полиграфе, что свидетели видели, как он убивал Биби Ли, что его отпечатки найдены на месте преступления; все это было ложью. Этот обвиняющий, предполагающий виновность метод допроса привел к тому, что Пейдж потерял уверенность в надежности своей памяти, начал сомневаться в себе и рассматривать возможность того, что он отключился и убил Ли в беспамятстве. Когда Пейдж спрашивал, как он мог убить Ли и не помнить этого, Харрис и Лейсер повторяли, что он подавил свои воспоминания об убийстве. Они говорили, что если он хорошо постарается, то припомнит все. С каждым часом этого допроса Пейдж все больше путался, уставал, отчаивался, терял уверенность.

Харрис и Лейсер продолжали давить, угрожая Пейджу, что он проведет всю оставшуюся жизнь в тюрьме, если не признается в убийстве и не расскажет подробностей происшедшего. Пейдж поверил, что он каким-то образом убил Ли и что он проведет всю жизнь в тюрьме, и начал придумывать детали преступления. Сержанты убедили его придумать сценарий убийства. Лейсер велел Пейджу закрыть глаза и вспомнить, что произошло. Пейдж начал описывать, что ему представляется, но не мог назвать времени, места событий и своей мотивации. Затем, по словам Пейджа, следователи сообщили ему детали преступления, например, положение тела Ли, положение ран на голове и носу, способ захоронения; затем они репетировали его показания. Как отмечала Davis:

«Пейдж говорил, что следователи высказывали какое-либо предположение, а он воображал, как это могло происходить; либо они спрашивали его о чем-то, и он включал это в свой сценарий (например, использовал ли он ветку или камень или ударил ее головой обо что-то – то есть то, что полицейские могли предполагать на основе сведений о положении тела и характере ран). Позже Пейдж описывал этот процесс как конструирование истории, подобно кинофильму, т. е. он рассказывал о том, как мог бы убить Ли, если бы действительно убил ее» [18. Р. 2016].

Через несколько часов незаписанного допроса Харрис и Лейсер снова включили магнитофон, прошлись по отрепетированной истории и записали признательные показания Пейджа.

Практически сразу после дачи признательных показаний Пейдж отказался от них, сначала перед окружным прокурором, который в дальнейшем допрашивал его в отделении полиции Окленда, а затем и перед Харрисом и Лейсером. Однако этот отказ уже не имел значения. Как много лет спустя было показано в социологических исследованиях, когда обвинители приняли решение включить признание Пейджа в состав судебного обвинения против него, его осуждение по этому делу было предопределено [26, 27, 25]. Уже не имело значения, что его показания смутны, предположительны, непоследовательны, противоречивы и не подтверждаются уликами. В тот же год, когда состоялся первый суд над Пейджем, Верховный Суд США отмечал:

³ Как отметила Deborah Davis, Харрис и Лейсер «лгали [Пейджу] в течение всего допроса – о своих собственных мотивах, об уликах против него, о том, какие варианты действий ему доступны и каковы последствия этих действий» [18. Р. 220].

«Никакой другой тип свидетельств не является настолько глубоко пристрастным... При решении вопроса факту признания придается такой большой вес, что наличие признания делает любой другой аспект судебного заседания избыточным, и настоящий суд происходит практически только тогда, когда получено признание» [28. Р. 182].

Независимо от «глубоко пристрастного» влияния признания на жюри присяжных, Бредли Пейдж стал также жертвой своей эпохи. В то время еще не была так, как сейчас, развита социологическая наука в области ложных признаний – лишь спустя год появился фундаментальный труд Kassin и Wrightsman [29], в котором описывалась, типологизировалась и фактически впервые определялась эта область. Суд над ним состоялся за много лет до того, как в уголовной юстиции произошла революция, связанная с ДНК, позволившая освободить сотни невинных заключенных, некоторые из которых были приговорены к смертной казни [30, 31]. Оказавшись ложно обвиненным, Бредли Пейдж не обладал концептуальной терминологией, с помощью которой мог бы убедительно заявить о своей невинности. Его адвокаты не были обучены анализировать методы полицейского расследования, не понимали психологию полицейского давления и убеждения, не умели строить защиту против ложного обвинения, поскольку в то время эта область была совершенно не развита. В 1984 г. считалось, что «ложные признания делают только чудачки, и это происходит случайно» [32. Р. 1155]. Адвокат Бредли Пейджа привлек к защите одного из ведущих социальных психологов того времени, профессора Элиота Аронсона, но тот фактически никогда не изучал психологию полицейского допроса или психологию ложных признаний, сделанных в результате такого допроса.

Иными словами, в историческом смысле ситуация сложилась не в пользу Бредли Пейджа. Сделай он свое признание на десять лет позже, в 1994 г., на его стороне был бы огромный пласт научной социологической литературы в области допросов, принуждения, ложных признаний обвиняемых; его защитники были бы обучены оценивать методы допросов и распознавать ложные признания; многочисленные эксперты могли бы дать показания в суде, объяснив присяжным, каким образом психологические техники полицейских допросов могут приводить к ложным признаниям невинных [33, 34, 22].

Хотя я не был знаком с Бредли Пейджем, я размышлял о его деле многие годы. Когда он сделал свое признание, мы были одного возраста и учились на одном потоке в университете Беркли, который Пейдж так и не окончил. Я мог бы быть на его месте. Полицейские Окленда не просто принудили его к ложному признанию, которое привело к аресту, обвинению и тюремному заключению невинного, но также, как и во многих подобных случаях [19, 35], сломали ему жизнь [36]. К тому же, если Биби Ли действительно убил Майкл Иде, полиция Окленда дала возможность преступнику насиловать и убивать других женщин.

Что происходит на допросе

Осенью 1990 г., когда Бредли Пейдж все еще был в тюрьме, я поступил в аспирантуру университета Беркли по программе юриспруденции и социальной политики. В то время мои исследовательские интересы сосредоточивались в основном на истории и практике полицейских допросов в США и приложении этой области к праву, государственной политике и правосудию. В частности, меня интересовало, чем полицейские допросы по тяжким преступлениям отличаются от допросов, описываемых в ходе заседаний апелляционных судов, и особенно Верховного Суда; тогда этот подход назывался изучением закона в действии [37]. Изучив литературу по теме, я с удивлением обнаружил, что эмпирических криминологических источников, описывающих и анализирующих полицейские допросы в Америке, практически нет. Моя диссертация должна была заполнить этот пробел.

Моя работа предполагала анализ архивных и исторических материалов (таких как отчеты государственных комиссий, сообщения СМИ, судебные дела, старые учебные пособия и материалы по ведению полицейских допросов и др.), а также документов современных дел (например, записей полицейских допросов, отчетов, записей досудебных и судебных расследований, современных учебных пособий и материалов по ведению полицейских допросов и др.). Возможно, самым важным было то, что я одновременно изучал 122 допроса по тяжким преступлениям в отделении полиции Окленда – именно в том отделении, в котором десятью годами

ранее Бредли Пейджа вынудили сделать ложное признание. Также я изучал видеозаписи 60 допросов по тяжким преступлениям в отделениях полиции Хейворда и Валледжо. Кроме того, я присутствовал и участвовал во множестве обучающих курсов и семинаров по ведению полицейских допросов в разных районах страны, в том числе в Отделе уголовных расследований отделения полиции Окленда, и брал интервью у многих следователей, подозреваемых, а также сотрудников системы уголовного правосудия – руководителей, обвинителей, судей. Среди них были сержант Ральф Лейсер, который (вместе с сержантом Харрисом) получил ложное признание Бредли Пейджа, и Кеннет Бурр, который выдвинул обвинение против Пейджа.

Эмпирические результаты и анализ, проведенные в рамках моей докторской работы [38], были опубликованы в нескольких статьях до и после защиты диссертации [39–41]. Я стал первым криминологом, который провел обширное количественное и качественное исследование и анализ процедуры допросов в США ([40, 41]; см. также [42]). Результаты этого эмпирического исследования позволили понять и уменьшить пробелы правосудия. Благодаря широкому охвату материала удалось проанализировать исторический переход от физических методов давления на допросе к психологическим манипулятивным и обманным техникам, возникшим на протяжении XX в., а также соответствующий сдвиг в нормах отношения общества к данной сфере и значительный рост профессионализма полиции. Кроме того, были отмечены более мелкие изменения, например, использование полицией различных психологических методов допроса (таких как обвинение, предъявление ложных улик, непринятие отрицания, ссылки на собственный интерес, минимизация и др.); сравнительная эффективность различных методов для получения признательных показаний; было показано, что полиция все в большей степени предупреждает задержанного о его правах согласно «правилу Миранды», при этом возникают различные новые стратегии в действиях полиции, направленные на то, чтобы подозреваемые отказались от своих прав по данному правилу; было установлено, что большинство подозреваемых по уголовным делам отказываются от своих прав по «правилу Миранды» и соглашаются на допрос, однако это гораздо менее распространено среди подозреваемых с уголовным прошлым (особенно по тяжким уголовным преступлениям); что большая часть допросов по тяжким уголовным преступлениям длится меньше часа [39–41]. В целом исследование было призвано пролить свет на один из самых первых и важных этапов судебного процесса.

Вскоре после того как моя диссертация вышла в свет, я обратился к социальной психологии в сфере полицейских допросов и получения признательных показаний. Проанализировав более 150 дел, Ричард Офши и я пришли к выводу, что полицейский допрос в США представляет собой последовательный двухступенчатый процесс, сочетающий психологическое давление и убеждение [43, 44]. На первом этапе следователь обычно использует несколько хорошо известных техник и стратегий допроса, пытаясь убедить подозреваемого, что он попался и не в силах изменить ситуацию. Следователь, вероятно, будет обвинять подозреваемого в совершении преступления, обрывать и блокировать отказы и возражения, прерывать или игнорировать уверения в невинности. Если подозреваемый сообщает об алиби, следователь заявит, что его слова несостоятельны, противоречат уликам или просто невероятны. Одна из самых эффективных техник, которые используются, чтобы убедить подозреваемого в безнадежности его положения, – это предъявить ему внешне объективные и неопровержимые свидетельства его вины, даже если таковых на самом деле не существует [26, 45, 43].

Ричард Офши и я предложили для этого метода название «уловка с ложной уликой» [43], и с тех пор ее широко исследовали психологи [46–54]. Американская полиция часто предъявляет подозреваемым сфабрикованные улики, например, несуществующих свидетелей, ложные признания поделщиков, ложные отпечатки пальцев, сфабрикованные видеозаписи или результаты исследования на полиграфе (как в деле Бредли Пейджа). Цель этой уловки – убедить подозреваемого, что улики против него убедительны и неопровержимы, вина его установлена и арест, обвинение и тюремное заключение неизбежны. Эти методы: обвинение, отметание возражений, отрицание алиби, предъявление реальных или несуществующих улик – часто повторяются по мере того, как усиливается давление. Они призваны повысить тревожность подозреваемого и лишить его уверенности в себе, показав, что допрос может закончиться только арестом [55, 56, 43, 44].

На втором этапе следователь будет стараться убедить подозреваемого, что выгоды от сотрудничества со следствием и признания перевешивают попытки сопротивления и отрицания, а значит, единственный способ улучшить свое безнадежное положение – это признаться в совершении правонарушения. При этом следователь дает понять, что в случае признания подозреваемый получит личные, моральные, общественные, процедурные, материальные, правовые или иные выгоды, а в случае отрицания своей вины – понесет соответствующие потери. В работах Ofshe и Leo [43, 44] было выдвинуто предположение, что эти побудительные аргументы могут простирались от ссылок на мораль до ссылок на возможную реакцию системы уголовного правосудия на признание или отрицание вины, и далее вплоть до явных или скрытых обещаний или предположений о снисхождении и угроз более сурового наказания. Иногда следователи дают понять – косвенно в форме предположения [57–61] или более явно, – что подозреваемый получит более легкое наказание, если признается, и более суровое наказание, если не признается [56]. В некоторых случаях принуждение состояло в откровенных угрозах наказания или иного вреда (например, угрозы, что будет назначен более долгий тюремный срок или смертная казнь, или угрозы причинения вреда членам семьи) и/или явных обещаниях снисхождения и/или освобождения от наказания (например, предложения освободить из-под стражи, назначить условный срок вместо реального или сократить срок).

Многие подозреваемые делают признание только после того, как следователи с помощью своих методов и техник убедили их, что для них признание является наиболее рациональным образом действия, в свете того, что они воспринимают как свои ограниченные возможности и последствия отрицания вины и отказа от признательных показаний [56, 43, 44, 62]. Психологическая логика современного допроса состоит в том, что иррациональные действия – признание вины в преступлении, которое, вероятно, повлечет за собой наказание, – представляется рациональным, особенно если подозреваемый уверен, что все улики против него и что его положение безнадежно и только сотрудничество с полицией может принести ему пользу [55, 56, 43, 44]. Одна из причин того, что психологические техники допроса так эффективны, состоит в том, что на подозреваемого безжалостно давят с точки зрения времени, побуждая его к признанию [43, 44]; подозреваемому не дают оценить реальные долгосрочные последствия признания вины, фокусируя его внимание на немедленной субъективной выгоде от прекращения давления на допросе [63, 64, 43, 44, 62].

Ложные признания: причины и последствия

Обзор литературы

Изучение психологической динамики техник допроса и их влияния на восприятие и решения подозреваемых позволило понять, как и почему в действительности возникают правдивые и ложные признания [56]. Позднее ряд социальных психологов провели лабораторные исследования того, как и почему определенные техники допроса вели к появлению как правдивых, так и ложных признаний; при этом оказалось, что некоторые техники чаще приводят к ложным признаниям [58, 65, 61, 66]. Ложные признания и ложная убежденность в своей вине, возникающая иногда у невиновных лиц, значительно усугубляют пробел правосудия, который существует в американской системе уголовного судопроизводства. Как показало дело Бредли Пейджа, этот эффект вызывает ряд серьезных вопросов: при наличии обширной системы конституционных прав и процедурных мер защиты, среди которых Пятая поправка, гарантирующая защиту от самообвинения, и требование доказательства «при отсутствии обоснованного сомнения», как стало возможным, что невиновный подозреваемый оговорил себя и был ошибочно осужден? Почему это случается так часто? Что можно сделать, чтобы предотвратить или, по крайней мере, минимизировать такие ложные признания и ошибочные приговоры?

В 1984 г. Бредли Пейдж мог показаться странным «чудаком» [32], но за последние 30 лет социологи зафиксировали и проанализировали сотни ложных признаний, сделанных под давлением полиции в американской системе уголовного правосудия [67, 26, 30, 27, 68, 69, 19, 70], и еще больше ошибочных приговоров невиновным [71, 72]. Теперь мы знаем сотни историй, подобных делу Бредли Пейджа, причем многие ошибочно осужденные провели в тюрьме гораздо больше времени. Более того, во множестве случаев полиции

удавалось получить ложные признания от нескольких невиновных подозреваемых [26]. Если вспомнить об исторических ценностях, на которых основана наша система уголовного правосудия, для американской правовой системы, вероятно, нет более тяжелой ошибки, чем осуждение невиновного [73, 56]. При этом до четверти ошибочных приговоров основываются, кроме прочего, на ложных признаниях, полученных в ходе полицейских допросов [71]. Как указывал покойный Welsh White, «как только полученное полицией ложное признание начинает восприниматься как истинное, риск ошибочного обвинения становится значительным» [74. Р. 185].

Хотя ложные признания очень распространены, большинство людей отказываются в них верить, что подтверждают многочисленные недавние опросы населения [75–79]. Большинство граждан отказываются поверить, что невиновного человека можно заставить признать свою вину в ходе полицейского допроса; тем самым возникает убежденность, что все признания истинные, если только подозреваемого не подвергали физическим пыткам или он не был психически болен. В одной из своих работ я назвал этот эффект мифом о психологических методах допроса [80]. Этот эффект подтвержден в исследованиях, упомянутых выше.

Миф о психологических методах допроса продолжает существовать по нескольким причинам. Большинство людей не знают, что происходит во время допроса, потому что не подвергались ему сами и не знают подвергавшихся ему людей лично. Кроме того, они не знают, как полицейских обучают допрашивать подозреваемых и каковы реально применяемые техники допроса. Следовательно, большинство людей не представляют, какие обманные, манипулятивные и стрессовые методы могут использовать следователи, чтобы получить признательные показания. Не знают они и о том, насколько часто эти методы приводили к ложным признаниям. Далее, большинство людей убеждены, что никто не станет действовать против своих интересов, иррационально или деструктивно по отношению к самому себе. Поэтому они предполагают, что невиновный человек не будет признаваться в преступлении, которого он не совершал, если только для этого не было понятной причины (такой как физическое принуждение или психическое заболевание).

Таким образом, большинство людей не могут представить, чтобы они сами сделали ложное признание, особенно в серьезном преступлении. В более общем смысле они становятся жертвами явления, которое социальные психологи называли фундаментальной ошибкой атрибуции [81, 82]: это склонность приуменьшать влияние окружающей обстановки на поведение и считать, что поведение всегда является добровольным, даже в ситуации принуждения. Вероятно, социальных психологов не удивляет, что большинство людей считают ложные признания иррациональными, не понимают, как невиновный человек может признаться в преступлении, и уверены, что сами они никогда не признались бы в преступлении, которого не совершали, особенно тяжком, даже в ситуации психологического давления на допросе.

При этом ложное признание не является единым феноменом; оно вызывается комбинацией факторов. Проанализировав современную им литературу по психологии и праву, Kassin и Wrightsman [29] первыми выделили три типа ложных признаний: добровольные, сделанные под принуждением по мотивам сотрудничества, сделанные под принуждением по внутренней убежденности. Позднее эта типология подвергалась критике, модифицировалась, расширялась (обзор см. [56]), однако важно понимать, что побуждение к даче ложных признаний подчиняется трем концептуально различным психологическим процессам. Добровольные ложные признания делаются в отсутствие полицейских допросов, поэтому они объясняются внутренним психологическим состоянием или потребностями признающегося [83] или внешним давлением со стороны кого-либо, но не полиции [84]. Ложные признания по мотивам сотрудничества делаются в ответ на принуждение полиции, под влиянием стресса или давления, чтобы получить какую-либо инструментальную выгоду – обычно чтобы прекратить неприятную процедуру допроса, получить предполагаемое или обещанное снисхождение или избежать предполагаемого сурового наказания. Ложные признания по внутренним мотивам, или по убежденности, делаются в результате применения особых методов полицейского допроса, когда невиновный подозреваемый начинает сомневаться в своей памяти и считать (обычно только в течение короткого периода времени), что он мог совершить преступление, хотя и не помнит этого [43]. К последнему типу принадлежало признание Бредли Пейджа [18–20].

Так же, как ложные признания имеют различные причины, они имеют и разную логику. Если ложное признание сделано под давлением полиции, то этому предшествовал многоступенчатый процесс, направленный на оказание влияния, убеждение и подчинение, что обычно предполагает психологическое принуждение. При этом полицейские обычно выбирают для этого определенные условия проведения допроса; лица с известными чертами характера более восприимчивы к такому принуждению. Далее мы проанализируем три вытекающие одна из другой ошибки, которые возникают при получении ложного признания: (а) следователи ошибочно принимают невиновного человека за виновного; (б) этого человека допрашивают в обвиняющей манере, используя при этом фальшивые улики (уловка с ложной уликой) и часто явные или скрытые обещания и угрозы; и (в) как только ложное признание получено, вместе с обвиняемым составляется ложная история преступления, часто ему сообщаются детали, известные или неизвестные общественности. Ранее я предложил назвать эти ошибки соответственно ошибкой неверной классификации, ошибкой давления и ошибкой контаминации [56, 85].

Последовательность и нарастание ошибок

Ошибка неверной классификации. Первая ошибка возникает, когда следователи принимают невиновного человека за виновного. Как отмечено в работе Davis и Leo, «путь к ложному признанию начинается, что логично, с неверного определения подозреваемого полицией... Как только определены конкретные подозреваемые, полиция руководствуется при допросах презумпцией виновности» [86. Рр. 123–124]. Таким образом, решение приступить к допросу является ключевым моментом расследования. Если на этом этапе не произошло ошибки, то не будет и ложного признания, и ошибочного приговора. Другими словами, если бы полицейские никогда не допрашивали по ошибке невинных людей, они бы не получали ложных признаний. Это первая и, возможно, самая серьезная ошибка расследования.

К ней могут привести несколько взаимосвязанных факторов. Первый из них – недостаточная и неправильная подготовка к ведению допроса. Американских полицейских ошибочно учат тому, что они могут быть живым детектором лжи, способным с большой точностью отличить обман от истины [87, 88]. Например, следователей учат, что если человек отводит взгляд, горбится, меняет положение тела, ерзает, трогает свой нос, поправляет или протирает очки, грызет ногти, поглаживает затылок, то он с большой вероятностью лжет, а значит, виновен. Также считается склонным к обману, а следовательно виновным, тот, кто ведет себя сдержанно, отказывается помогать полиции, все отрицает или отвечает со знанием дела и по существу [87, 56]. Эти типы поведения и реакции – лишь несколько примеров из длинного списка так называемых невербальных и вербальных «поведенческих признаков» обмана, приводимого в учебных пособиях для следователей, по которому они должны определить подозреваемого как виновного и подвергнуть его обвинительному допросу [89–92]. Хотя обычно оговаривается, что ни один из невербальных и вербальных поведенческих признаков сам по себе не может служить доказательством лжи или правды, однако следователей учат, что они с уверенностью определяют, обманывает ли подозреваемый, если научатся интерпретировать язык тела, манеры, жесты, стиль речи. Некоторые инструкторы заявляют о невероятно высоких уровнях точности при определении лжи или правды, хотя и не приводят никаких подтверждений этой информации; например, обучающая компания *Reid & Associates* из Чикаго утверждает, что они могут научить следователей верно распознавать правду и ложь в 85 % случаев [88].

Глубоко укоренившееся среди полицейских убеждение, что следователей можно обучить с высокой точностью распознавать правду и ложь, является не только ошибочным, но и очень опасным [56]. Оно ошибочно, потому что основано на неверном представлении, которое прямо опровергается результатами практически всех опубликованных работ в этой области [93–96]. Социологические исследования неоднократно доказывали в различных контекстах, что люди плохо различают правду и ложь и часто ошибаются, определяя, говорят ли им правду или лгут. Большинство людей определяют это с точностью, не превышающей точности угадывания или случайного выбора (т. е. 50 %) [93, 97, 95]. Кроме того, было показано, что даже те, кто выносит такие суждения на регулярной основе в силу своей профессии – например, следователи, операторы полиграфа,

таможенники, судьи, психиатры [98] – обычно не могут отличить правду от лжи с точностью, существенно превышающей угадывание. То же подтверждают целенаправленные исследования полицейских следователей; они постоянно ошибались, определяя истинные и ложные отрицания вины [99–102]. Было показано, что метод поведенческого анализа, с помощью которого в компании *Reid & Associates* обучают следователей, на самом деле понижает точность суждений; на основании этого Kassin и Fong сделали вывод, что «метод *Reid* не является эффективным и, возможно, является даже контрпродуктивным для различения правды и лжи» [100. Р. 512]. Эмпирические исследования показали, что следователи и представители других профессий, занимающихся выявлением обмана, оказываются правы примерно в 45–60 % случаев [103], в среднем в 54 % [93].

Несложно понять, почему следователи так часто принимают невиновного человека за виновного. Не существует типа поведения или психологической реакции, которая была бы специфической для обмана, а значит, нет и единых признаков, подтверждающих, что человек говорит правду или лжет [104]. Те же самые реакции и жесты, которые инструкторы называют признаками лжи виновного, могут также быть правдивыми реакциями невиновного. Как отмечали Kassin и Fong (1999), «проблема также состоит в том, что люди, которых ошибочно обвиняют во лжи, часто демонстрируют признаки тревожности и другие типы поведения, неотличимые от поведения действительно лгущих людей» [100. Р. 501]. Таким образом, следователи, играющие роль живых детекторов лжи, полагаются на признаки, по которым в действительности нельзя диагностировать обман [92, 96, 91]. Напротив, учебные пособия приводят множество неверных описаний, часто представленных как неоспоримые факты – поведенческих признаков правды или лжи [105]. Как минимум один из известных инструкторов полицейских, президент компании *Reid & Associates* Джозеф Бакли, заявлял со всей определенностью: «Мы не допрашиваем невиновных» [103. Р. 36]. Как отмечал Alan Hirsch, «все больше свидетельств противоречит заявлению, что следователи, обученные в компании *Reid*, допрашивают только виновных» [105. Р. 821].

Этот распространенный в полицейской среде миф о способности следователя распознавать ложь является не только ошибочным, но и опасным по той очевидной причине, что, основываясь на нем, полицейский может неверно определить виновность подозреваемого по его «языку тела», а затем подвергнуть его обвиняющему допросу и добиться ложного признания. Например, полицейские города Эскондидо в штате Калифорния при допросе Майкла Кроува решили, что он лжет, а значит, виновен в убийстве своей сестры, потому что он казался «странно бесчувственным» по сравнению с другими членами семьи [74]. В округе МакГенри штата Иллинойс заместители шерифа пришли к выводу, что Гэри Годжер лжет, а значит виновен в жестоком убийстве обоих родителей, поскольку его эмоциональный отклик показался им недостаточным [106]. Следователи из города Пикскил, штат Нью-Йорк, посчитали Джеффри Десковица виновным в убийстве одноклассника не потому, что он был безэмоциональным, а, напротив, потому что он был чрезмерно обескуражен этой смертью [85]. Кроув, Годжер и Десковиц сделали ложные признания в убийствах; позднее их невиновность была доказана (однако Десковиц провел в тюрьме 16 лет, а Годжер – два года в камере смертников). Эти примеры не являются исключениями: в социологической литературе описано множество дел невиновных подозреваемых, которых подвергали допросам с принуждением (и в конечном итоге обвиняли по ложному признанию) только потому, что на начальном этапе их посчитали виновными из-за особенностей их невербального поведения [26].

Опасность мифа о «живом детекторе лжи» не только в том, что полицейские ошибочно классифицируют невиновных как виновных на основании самого ненадежного критерия [107], но также в том, что он существенно повышает веру полицейских в правильность их ошибочных суждений [100, 101, 108, 109]. Неадекватная уверенность в своих ошибочных суждениях – это большая проблема в работе следователя, так как цена ошибки очень высока – страдают свобода и репутация невиновного человека, а виновный избегает наказания и получает возможность снова совершить преступление. Ошибочные суждения по поводу обмана со стороны подозреваемого приводят к эффекту, который Meissner и Kassin [108, 109] назвали предубежденной реакцией следователя (т. е. склонность предполагать вину подозреваемого с полной или почти полной уверенностью). Чрезмерная уверенность следователя, который ошибочно принимает невино-

вного подозреваемого за виновного, не позволяет ему расследовать новые или имеющиеся зацепки, улики, теории, указывающие на других возможных подозреваемых. Как было показано в работах Kassin и других, ошибочные, но чрезмерно уверенные суждения по поводу обмана со стороны подозреваемого также повышают вероятность того, что невиновный подозреваемый будет подвергнут обвинительному допросу, в ходе которого следователи стараются получить информацию, подтверждающую их предварительные выводы о виновности, и отвергают улики, противоречащие этой версии [110, 111, 108, 109].

Выводы Kassin и его коллег соответствуют моим наблюдениям. Иногда следователи говорят, что их способности «живого детектора лжи» происходят от «шестого чувства», свойственного всем следователям полиции [112]. К сожалению, следователи зачастую принимают это чувство (или «инстинкт») за прямое доказательство вины подозреваемого и уверенно начинают агрессивный допрос. Проанализировав как доказанные, так и оспоренные признательные показания, я обнаружил, что следователи часто более уверены в виновности подозреваемого, чем позволяют объективные улики, и упорно не хотят рассматривать возможность, что их интуиция или анализ поведения ошибочны [26, 19]. Эти тенденции могут также усиливаться за счет профессиональной культуры, которая заставляет полицейских быть в целом более подозрительными и не поощряет признание своих ошибок и выражение сомнений в своих выводах [113, 114, 15].

Миф о «живом детекторе лжи» – лишь один из множества мифов, приводящих к ошибочным обвинениям невиновных людей, которые затем подвергаются агрессивным методам допроса и делают ложные признания. Другой миф состоит в том, что обученные офицеры полиции могут создать детальный и точный профиль подозреваемого путем изучения полицейских отчетов, фотографий с места преступления и других улик [85]. Например, в 1986 г., спустя примерно три месяца после изнасилования и убийства Лори Росетти, чикагские полицейские обратились к специалисту из ФБР Роберту Ресслеру, чтобы он составил профиль преступников по этому делу. Ресслер дал заключение, что преступление совершили молодые черные мужчины от 15 до 20 лет, от трех до шести человек, которые ранее отбывали наказание в тюрьме и жили недалеко от того места, где нашли тело Росетти [26]. Основываясь на этом заключении, следователи вышли на трех 17-летних черных: Маркелус Бредфорд, Ларри Оллинс и Омар Сандерс, которые жили неподалеку и уже успели побывать в местах лишения свободы. 27 января 1987 г. их начали допрашивать. Через 15 часов после начала допросов Бредфорд признался, что преступление совершили он сам, Ларри Оллинс и 14-летний двоюродный брат Ларри, умственно отсталый Кельвин. Последний также позднее дал признательные показания [26].

Хотя первоначальный анализ ДНК спермы, найденной на жертве, исключал причастность этих лиц, все четверо предстали перед судом. Ларри Оллинс, Кельвин Оллинс и Омар Сандерс получили пожизненные сроки, а Маркелус Бредфорд, который согласился признать свою вину и свидетельствовал против Ларри Оллинса, получил 12 лет. В 2001 г. было проведено новое исследование ДНК, которое окончательно опровергло какую-либо связь любого из этих лиц с изнасилованием и убийством Лори Росетти. Они были отпущены на свободу. Вскоре после этого полицией были задержаны Дуан Роах и Эдди «Бо» Харрис, которые дали признательные показания под видеозапись в изнасиловании и убийстве Росетти, что затем было подтверждено отпечатками пальцев и анализом ДНК. Роах и Харрис не подходили под описание Ресслера. Харрису было 46 лет в момент ареста и 31 год в момент убийства Росетти, а Роаху, соответственно, 38 и 23 года. По мнению полиции, преступление совершили только Роах и Харрис, а не шесть человек, как считал Ресслер [115].

Несмотря на обучение, опыт и профессиональную культуру, следователи, как и все люди, могут испытывать предубеждения при принятии решений и совершать ошибки [116]. Среди таких предубеждений – склонность придавать большое значение случайным событиям, делать выводы на основе неполной или нетипичной информации, интерпретировать неоднозначные улики таким образом, чтобы подтвердить свои предварительные выводы, и искать информацию, подкрепляющую существующие убеждения, при этом игнорируя или уменьшая значение иной информации. Все эти нормальные для человека предубеждения не только обильно представлены в работе полиции, но также поддерживаются за счет состязательного характера американской системы уголовного расследования [117, 56]. Как я показывал в других работах, следователи полиции не склонны признавать свои ошибки [118].

Ошибка давления: допросы с применением средств принуждения

Как только невиновный подозреваемый классифицирован как виновный, его часто подвергают обвинительному допросу. Это происходит потому, что обычно против невиновного подозреваемого нет существенных улик, а в отсутствие улик становится особенно важно получить его признание. Таким образом, чтобы успешно выстроить дело, следователю нужно признание. Напротив, если полицейские верно определили виновного и расследуют дело, обычно есть другие улики, и получение признания менее важно. Допрос и получение признания также особенно важны в тяжких делах, так как полицейские испытывают давление по поводу раскрытия преступления, а других улик может не обнаружиться [119]. Таким образом, огромное большинство задокументированных ложных признаний относятся к убийствам и другим тяжким преступлениям [26, 30, 69].

Как только начинается допрос, первоочередной причиной ложных признаний становятся применяемые полицией методы психологического давления, которые приводят к изменению восприятия ситуации подозреваемым, его ожиданий от будущего и мотивации от отрицания к признанию [43]. Под методами психологического давления мы подразумеваем одно из двух явлений: во-первых, это методы допроса, которые подавляют волю подозреваемого, например, обещания и угрозы; в психологии и юриспруденции они считаются методами принуждения. Во-вторых, это такие техники допроса, которые, действуя в совокупности, убеждают подозреваемого, что у него нет другого выбора, кроме как согласиться с требованиями следователя. Обычно они сводятся к методам из первой группы. Методы психологического давления включают также некоторые элементы допроса третьей степени по старой классификации, например, лишение (еды, сна, воды, доступа к туалету, например), изоляция, крайнее истощение и усталость. Однако в настоящее время эти методы применяются редко. Вместо этого полиция теперь обычно применяет (явные или скрытые) обещания снисхождения и угрозы более сурового обращения. Как писали Ofshe и Leo, «современный эквивалент резинового шланга – это скрытая угроза, выраженная в форме рассказа о последствиях» [44. Р. 1115]. Угрозы и обещания могут принимать различные формы, обычно их повторяют, развивают и усложняют в ходе допроса. Огромное большинство задокументированных ложных признаний в период после введения «правила Миранды» были получены в результате прямых и косвенных обещаний или угроз [26, 19].

Второй вид психологического давления – внушить подозреваемому, что у него нет другого выбора, кроме как согласиться со следователем. Он не сводится к какой-то одной технике, но часто является результатом совокупного воздействия различных методов допроса. Психологическая структура и логика современного допроса легко приводит к такому эффекту. Обстановка в местах лишения свободы и физические ограничения направлены на то, чтобы изолировать подозреваемого и лишить его всех возможностей. Допрос намеренно вызывает стресс и неприятные чувства, которые можно сделать более интенсивными и длительными. Техники допроса призваны внушить подозреваемому, что его вина установлена и несомненна, что никто не поверит его заверениям о невиновности и что, продолжая отрицать свою вину, он только усугубляет существующую ситуацию и конечный исход дела. Подозреваемые могут ощущать, что у них нет другого выбора, кроме как согласиться со следователем, по причине усталости, опустошенности или потому, что не видят другого способа прекратить невыносимый стресс. Некоторые из них, как Бредли Пейдж, начинают верить, что единственный способ уйти – это сделать, как говорит следователь. Другие соглашались, так как считали, что это единственный способ избежать исхода, который их страшит (например, гомосексуального изнасилования в тюрьме). Если подозреваемые считают, что у них нет выбора, кроме как согласиться, это согласие и признание являются по определению недобровольными и расцениваются как полученные под давлением [43, 44].

Ошибка давления: уязвимые категории подозреваемых

Хотя психологическое давление является основной причиной ложных признательных показаний, индивидуумы различаются по способности выдерживать давление при допросе, а значит, и по их подверженности ложным признаниям [83]. При прочих равных условиях это наиболее внушаемые и уступчивые люди. Внушаемые люди обычно имеют более слабую память, более высокий уровень тревожности, низкую самооценку, низкий уровень уверенности в себе. Эти черты личности делают их более уязвимыми перед давлением, а значит,

вероятность ложного признания на допросе для них выше [120]. Внушаемость при допросе возрастает при лишении сна, усталости, синдроме отмены алкоголя или наркотиков [121–123]. Уступчивые люди стремятся избегать конфликтов, соглашаться, хотя и угодить, особенно представителям власти [83].

Однако внушаемые и уступчивые люди – не единственные, кто особенно уязвим для давления при допросе в полиции. Сюда же относятся несовершеннолетние и лица с нарушениями интеллекта, когнитивными расстройствами и психическими заболеваниями.

Лица с нарушениями интеллекта. Нарушение интеллекта (ранее известное как умственная отсталость), несомненно, является нарушением умственных способностей, которое ограничивает возможности человека в области обучения, обработки и понимания информации [124]. Психологи обычно измеряют степень когнитивных нарушений через *IQ* или другие подобные тесты. Умственной отсталостью считаются показатели *IQ* ниже 70. Выделяют четыре степени умственной отсталости: легкая, умеренная, сильная, глубокая. Подавляющее большинство людей с умственной отсталостью (около 90 %) попадают в первую категорию [125]. Поскольку нарушения интеллекта не всегда заметны, иногда можно переоценить умственные способности индивида.

Умственно отсталые люди с большей вероятностью делают ложные признания по различным причинам [126, 125, 127, 128]. Во-первых, из-за того, что их интеллект функционирует ниже нормы (т. е. они имеют более низкие уровни сообразительности и внимания, более слабую память, слабые навыки размышления и общения), они простодушны, медленно думают, их легко запутать. Они не всегда понимают, что им говорят и каковы будут последствия их ответов. Им часто не хватает понимания причинно-следственных связей. Ограниченные интеллектуальные способности приводят также к ограниченному социальному интеллекту: они не всегда полностью понимают контекст и сложность определенных социальных взаимодействий и ситуаций, особенно соревновательных ситуаций, таких как допрос в полиции. Например, они могут не понять, что следователь, который кажется дружелюбным, на самом деле является их противником, или не улавливают долгосрочных последствий обвинительного заключения. Таким образом, они очень внушаемы и легко поддаются манипулированию. Кроме того, им не хватает уверенности в себе, способностей к решению задач, они склонны маскировать или скрывать свои когнитивные нарушения и обращаться за подсказками для своих реакций к другим людям, особенно авторитетным. По всем этим причинам люди с нарушениями интеллекта очень подвержены влиянию со стороны, в том числе недобросовестному влиянию, а также недостоверной информации. Поэтому их легко заставить согласиться с ложными или недостоверными утверждениями и повторять их, даже если это ведет к ложному обвинению.

Во-вторых, как отмечали многие исследователи, люди с нарушениями интеллекта хотят угодить другим. У них обычно высокая потребность в одобрении, поэтому они склонны уступать. Они адаптируются к своим когнитивным нарушениям, обучаясь подчиняться и соответствовать требованиям других людей, особенно обладающих властью [129, 130]. Из-за их желания угодить на них легко влиять и воздействовать в ситуации конфликта. Некоторые специалисты называют эту особенность «предвзятым ответом»: люди с нарушениями интеллекта отвечают в соответствии с тем, что, как они считают, хочет услышать их собеседник. Они скажут человеку, задающему вопросы, то, что, по их мнению, он ожидает услышать. Близка к этому черта, известная как синдром «обмана на проигрыш»: лица с нарушениями интеллекта с готовностью признают вину или дают заведомо неверные ответы, чтобы угодить, заслужить расположение, получить одобрение авторитетного человека [129]. Нетрудно видеть, как их уступчивость, особенно при общении с людьми, обладающими властью, может заставить их делать ложные признания во время допросов.

В-третьих, по причине когнитивных нарушений и заученного подражательного поведения лица с нарушениями интеллекта легко поддаются стрессу. У них не хватает психологических ресурсов, чтобы противостоять тому же уровню давления, стресса, тревожности, что и у людей с нормальным функционированием интеллекта [129, 130]. В результате они стремятся избегать конфликтов. Даже обычный уровень стресса, который намного ниже того, что бывает при обвинительном полицейском допросе, может восприниматься ими как чрезмерный. Поэтому они хуже выдерживают давление при допросе и скорее соглашаются с требованиями обвинителей, даже если знают, что делают ложное признание. Они склонны гораздо раньше согласиться со следователем,

чем люди с нормальным интеллектом, особенно если допрос продолжается долго. В последние годы появилось множество задокументированных ложных признаний людей с нарушениями интеллекта (см., например, [26]).

Несовершеннолетние лица. Молодые люди также находятся в группе риска по ложным признательным показаниям [131–133]. Детям и подросткам свойственны многие психологические черты, которые характеризуют лиц с нарушениями интеллекта. Многие несовершеннолетние также отличаются высокой степенью уступчивости. Они могут проявлять незрелость, наивно доверять людям, облеченным властью, уступать и стремиться угодить взрослым. Поэтому при допросах в полиции они склонны подчиняться. Кроме того, несовершеннолетние отличаются высокой внушаемостью. Как и лица с когнитивными нарушениями, они легко поддаются давлению, манипуляциям, их можно уговорить сделать ложное признание, в том числе ведущее к обвинению в преступлении. Также у несовершеннолетних (особенно у детей) снижены интеллектуальные возможности и способность к рассуждениям, они не вполне понимают сущность или серьезность допроса или долгосрочные последствия своих ответов на вопросы полицейских. Как и люди с нарушениями интеллекта, несовершеннолетние имеют ограниченные, по сравнению с нормальными взрослыми, речевые навыки, память, внимание, умение обработки информации. Они также менее способны выдерживать межличностный стресс, а значит, скорее начинают воспринимать обвинительный допрос как невыносимое давление. Все эти особенности показывают, почему несовершеннолетние более уязвимы перед обвинительным допросом и больше подвержены давлению ложных признательных показаний.

Лица с психическими заболеваниями. Наконец, лица с серьезными психическими заболеваниями (например, психозами) также непропорционально подвержены давлению ложных признательных показаний [134, 135], особенно в ответ на давление полиции. У них есть ряд психиатрических симптомов, благодаря которым они склонны соглашаться со следователем, предполагать или выдумывать ложную или недостающую информацию. Среди таких симптомов – ошибочное восприятие реальности, нарушения субъективного восприятия или убеждений, неспособность отличить факты от фантазии, склонность к чувству вины, повышенная тревожность, перепады настроения, недостаток самоконтроля [120]. Кроме того, психически больные могут страдать от недостаточности целенаправленного регулирования поведения, внимания и памяти; их можно легко запутать; они могут испытывать недостаток социальных навыков, таких как настойчивость [134]. Эти черты также повышают риск ложных признаний. Лица с психическими заболеваниями могут делать добровольные ложные признания, но их также легко склонить к признаниям по мотивам уступчивости. Как отмечает Salas, «психическое заболевание делает человека внушаемым и уступчивым перед малейшим давлением; принуждение может возникнуть гораздо легче, в ситуациях, которые “нормальный” человек не воспримет как ситуацию принуждения» [136. Р. 264]. В результате люди с психическими заболеваниями «особенно склонны либо к ложным признаниям, либо к непониманию контекста своих признаний, т. е. к тому, чтобы выступать против своих интересов, чего не сделает обычный подозреваемый» [136. Р. 274].

При этом необходимо подчеркнуть, что большинство ложных признаний полицейские получают от психически нормальных взрослых подозреваемых [26, 68].

Ошибка контаминации. Признание – это не только заявление «Я это сделал». Оно включает также развернутый рассказ, в ходе которого дается контекст и делаются попытки объяснить это заявление. Рассказ, сопровождающий признание, не был еще в достаточной мере исследован учеными, как и процедура допроса, приводящая к его появлению; однако это ключевой момент для верного понимания и оценки признательного показания и улики [19]. Движение подозреваемого от отрицания к признанию, часто происходящее очень тяжело, объясняется применением психологических методов давления при полицейском допросе, а также их взаимодействием с личностью подозреваемого. Но именно рассказ превращает простую констатацию вины в оформленное признание. Он делает признание вины подозреваемого убедительным, по крайней мере внешне. Содержание и словесное оформление этого рассказа частично объясняют, почему признательные показания считаются такой значимой уликой и иногда приводят к аресту, обвинению и осуждению невиновного [137, 56].

Следователи понимают важность этого этапа допроса. Они используют его, чтобы подправить, оформить, а иногда и составить рассказ подозреваемого. Их цель – получить убедительный рассказ, который позволит

предъявить обвинение подозреваемому и передать дело в суд. Для этого необходим правдоподобный сюжет; он должен содержать элементы, согласованные между собой и способные убедить слушателей. Особенно важно наличие явно или косвенно выраженного объяснения мотивов совершения преступления. Следователи прекрасно умеют придумывать, предполагать и/или получать от подозреваемого объяснение его мотивов; на самом деле техника «развития темы» – это просто метод приписывания подозреваемому мотива (обычно такого, который минимизирует его виновность), с которым подозреваемый соглашается, а затем повторяет его, даже если он совершенно неверен. Чтобы обвинить подозреваемого, гораздо важнее иметь правдоподобную историю, чем правдивую [56]. Чтобы повысить правдоподобие и убедительность признательных показаний, следователи стремятся сделать их внешне достоверными и аутентичными. Для этого они подталкивают подозреваемого объяснить свое признание велением совести, выразить раскаяние, привести яркие детали совершения преступления, которые подтвердят его вину. Кроме того, следователи стремятся сделать так, чтобы признание казалось добровольным, а они сами – лишь пассивными свидетелями признания.

Следователь помогает создать ложное признание путем давления на подозреваемого и сообщения ему деталей преступления. В результате возникает контаминация рассказа подозреваемого. Если только подозреваемый не узнал деталей преступления от очевидца, из разговоров соседей или средств массовой информации, невиновный человек не будет знать ни обычных, ни драматических подробностей происшедшего [19]. Поэтому рассказ невиновного подозреваемого будет изобиловать ошибками в тех местах, где верную информацию нельзя угадать. Конечно, если такая информация не подразумевается, предполагается или открыто сообщается подозреваемому, а это происходит, намеренно или ненамеренно, во многих делах с ложными признаниями [138, 19, 23].

Контаминация рассказа подозреваемого является, таким образом, третьей ошибкой полиции. В совокупности три эти ошибки приводят к получению и конструированию ложного признания. В другой работе я отмечал:

«Контаминация признания происходит потому, что (1) психологическая установка на презумпцию виновности, свойственная полицейскому допросу в Америке, способствует появлению и закреплению ошибки подтверждения, которая в свою очередь (2) заставляет следователей, внешне ненамеренно, предоставлять подозреваемым подробную информацию по делу в рамках обвинительных стратегий допроса до и после признания, однако (3) не существует внутреннего механизма корректировки, позволяющего установить и исправить ошибку классификации или технику допроса, способствующую подтверждению или сообщению информации. Другими словами, контаминация является обычным делом при ложных признаниях, поскольку психологические установки, присущие методам допроса в Америке, фактически не оставляют иного решения после того, как следователи выбрали невиновного подозреваемого для проведения допроса» [118. Р. 211].

Контаминация во время полицейского допроса не очевидна, и ее трудно определить, поэтому риск ошибочного обвинения повышается [23]. Результатом ее становится то, что Gisli Gudjonsson [33] назвал искажением специальных знаний, – это подробности в рассказе подозреваемого, которые не были известны широкой публике и которые нельзя угадать, но которые были сообщены подозреваемому следователями; затем следователи утверждают, что эти подробности они узнали от подозреваемого [56]. Знание этих фактов часто преподносится как доказательство виновности. Считается, что если подозреваемый включает их в свой рассказ о преступлении, то он знает детали преступления, о которых может знать только преступник, следовательно, он виновен. В отличие от истинных знаний такого рода, искажение специальных знаний наносит вред, так как эффективно используется для обвинения невиновного человека. Если полицейские раскрывают невиновному подозреваемому факты о преступлении, о которых не сообщалось публично, а затем настаивают, часто даже под присягой в суде, что получили эту информацию от него, то они фактически фабрикуют против него ложные улики [138, 139].

Искаженные специальные знания – это важная улика, так как она подтверждает признание обвиняемого. Во многих документированных случаях ложных признаний прослеживается такой механизм или его элементы: когда признание обвиняемого начинает подвергаться сомнению, полиция полагается на искаженные специальные знания, пытаясь убедить обвинителей, что признание истинное; обвинители таким же образом

пытаются убедить судей и присяжных; защитники также ссылаются на искаженные специальные знания, чтобы убедить своих подзащитных признать свою вину и снизить наказание; опираясь на искаженные специальные знания, судьи и присяжные выносят ошибочные приговоры; апелляционные суды подтверждают эти приговоры, также руководствуясь искаженными специальными знаниями [140].

Таким образом, искажение специальных знаний превратилось, намеренно или нет, в серьезную проблему американской системы уголовного правосудия, поскольку это явление фактически гарантированно приводит к осуждению невиновного подозреваемого. Причина может быть в ненамеренном эффекте, или в сильном институциональном давлении к раскрытию преступлений (особенно тяжких), или в сочетании факторов, но искажение специальных знаний присутствует во множестве дел с документированными ошибочными приговорами, основанными на ложных признаниях. Например, изучение 63 дел, в которых приговор заключенному был пересмотрен в сторону оправдания по причине изучения ДНК и выявления ложных признаний, показало, что искажение специальных знаний имело место в 59 случаях (94 % дел) [139]. Поскольку искаженные специальные знания встраиваются в признательные показания обвиняемого и воспринимаются полицейскими и обвинителями как подтверждение вины, решить эту проблему очень сложно.

Последствия ложных признаний

Признание – это самое важное и убедительное свидетельство вины, которое можно предъявить против обвиняемого. Следовательно, ложное признание – это самое важное и убедительное ошибочное свидетельство вины, которое можно предъявить против невиновного обвиняемого. Бывший судья Верховного Суда США Уильям Бреннан отмечал, что «никакой другой класс улики не является настолько глубоко необъективным» [28. Р. 182]. Эта мысль полностью подтверждается социологическими исследованиями [26, 141, 142, 19, 143]. Наличие признания оказывает сильное влияние на мнение и решения официальных лиц в системе уголовного правосудия и на членов суда присяжных, поскольку большинство людей считают, что признательные показания, особенно подробные, являются истинными по определению. Таким образом, признательные показания определяют исход дела не в пользу обвиняемого, причем обычно перевешивают любые противоречащие им факты или улики [25, 19]. Если ложное признание предъявляется в судебном заседании против обвиняемого, то дело с большой вероятностью закончится ошибочным обвинением, даже если это признание получено в ходе допроса с применением сомнительных методов и не подкреплено другими свидетельствами.

Признание запускает в действие презумпцию виновности, внешне неопровержимую, по мнению чиновников от правосудия, представителей СМИ, широкой общественности и присяжных [25, 19]. В результате эта цепочка событий приводит к тому, что каждый из этих элементов системы оказывается предубежденным против обвиняемого; к нему станут относиться суровее на каждом этапе дознания и судебного процесса [40]. Для него существенно повышается вероятность лишения свободы до суда, предъявления обвинения, давления с целью заставить признать вину и пойти на сделку, быть осужденным. Кроме того, наличие признания создает свой собственный набор предубеждений, работающих на подтверждение виновности и перекрестную контаминацию [117], в результате чего и сотрудники системы правосудия, и присяжные интерпретируют остальную информацию по делу в наихудшем для обвиняемого свете. Например, неуверенное и противоречивое свидетельство очевидца могло быть быстро удалено из материалов дела при отсутствии признания, но вместо этого будет расцениваться как подтверждение валидности признания [144, 145]. При переходе дела от одного этапа процедуры уголовного правосудия к другому значимость ложного признания увеличивается, и становится все труднее исправить ошибку.

Роль полиции. Как только полиция получает признание, расследование обычно прекращается, дело считается раскрытым, больше не делается попыток получить какие-либо улики, даже если признание внутренне противоречиво, не совпадает с имеющимися фактами или получено под принуждением [19]. Признание служит подтверждением вины. Даже если по другому делу возникают улики, дающие возможность предположить или прямо показывающие ложность признания, полиция почти всегда продолжает считать, что подозреваемый виновен, а признание истинное [26, 19].

Еще одна причина, почему полиция обычно закрывает дело после получения признания, – это недостаточное понимание рисков, которые влекут за собой психологические методы давления на допросах и ложные признания [55, 19]. Обучающие материалы и программы по методам допросов появились в начале 1940-х гг., но в них до сих пор практически ничего не говорится о ложных признаниях, сделанных под влиянием полицейских методов, хотя их существование и последствия раскрываются во множестве опубликованных научных работ. Например, часто цитируют пособие Inbau и Reid, однако в нем об указанной проблеме впервые упомянули лишь в 4-м издании в 2001 г. И хотя при этом в пособие была добавлена целая глава на данную тему, в ней, как и во всех других американских пособиях и программах по допросам, продолжают настаивать, что предлагаемые в них методы не «приводят к признаниям невиновных» (это утверждение ошибочно и опровергается множеством эмпирических исследований ([87. Р. 212]; критические работы см. [55, 19, 83, 120, 19, 43, 44])). И хотя с тех пор Inbau и соавт. выпустили уже пятое издание этого пособия [146], Alan Hirsch отметил: «Оно во многом исказило или проигнорировало те важные аспекты, которые уже известны относительно ложных признаний, тем самым закрепив широкую распространенность этого тревожного явления» ([105. Р. 805]; см. также [147]). В результате американские полицейские плохо подготовлены в области психологии ложных признаний, они не знают, почему применяемые методы могут заставить невиновного человека признаться, в каких делах ложные признания особенно вероятны, как их распознать и предотвратить.

Роль участников юридического процесса. Презумпция вины и тенденция к более суровому обращению с теми, кто сделал признание, распространяется и на обвинителей. Как и полицейские, они редко рассматривают возможность того, что невиновный подозреваемый может дать признательные показания. Некоторые так скептически настроены, что упорно отказываются признать, что такое произошло даже после однозначного установления невиновности обвиняемого с помощью теста ДНК [103]. Как только подозреваемый признался, обвинители обычно стремятся приписать ему наибольшее количество различных правонарушений [43]; назначить самый высокий залог, особенно в делах с тяжкими преступлениями [19]; резко снижается вероятность предложения или согласия на сделку с целью снизить наказание [19]. Признание становится ключевым элементом обвинения.

Даже защитники часто воспринимают признавшихся как виновных и обращаются с ними суровее. На них часто давят с целью пойти на сделку, чтобы избежать более серьезного наказания, которое непременно будет назначено, если дело будет рассматривать суд присяжных [148]. Как отмечалось в решении Верховного Суда штата Калифорния, «признание производит эффект бомбы, которая разрушает защиту» [149. Р. 497]. Американские судьи склонны воспринимать признавшихся как виновных и назначать им более суровые наказания [19, 150]. Судьи обычно не верят заверениям обвиняемых в своей невиновности и ссылкам на ненадлежащее поведение полиции, а потому редко отклоняют признательные показания, даже самые сомнительные [151].

Если дело доходит до суда, то присяжные считают признание наиболее убедительной из всех улик, кроме видеозаписи совершения преступления, особенно если о признании становится широко известно до суда, как это бывает с почти всеми тяжкими преступлениями [142, 19, 143]. Таким образом, ложные признания с большой вероятностью ведут к неверным приговорам. Изучив 60 ложных признаний, Leo и Ofshe [19, 20] обнаружили, что в 73 % из таких дел, которые дошли до суда, были вынесены ошибочные приговоры; в исследовании Drizin и Leo [26] эта цифра составляла 81 % из 125 дел с ложными признаниями, а в работе Gould с соавт. [27] приводится цифра 88 % из 460 ошибочных и «частично ошибочных» приговоров (в 110 из которых было ложное признание).

Эти цифры очень примечательны. Если считать, что выборка репрезентативна, то они показывают, что ложное признание в деле, которое доходит до суда, влечет за собой вероятность от 73 до 88 %, что будет вынесен обвинительный приговор, даже если это признание не подтверждается никакими надежными уликами. В целом вышеуказанные работы показали, что ложное признание – это значимая улика для судьи и присяжных, потому что оно глубоко влияет на их оценку дела в направлении обвинения – настолько, что они позволяют ему перевешивать даже серьезные доказательства невиновности подозреваемого [25, 19]. Присяжные просто не обращают должного внимания на улики, опровергающие ложное признание, даже если оно было получено

под принуждением, а другие улики говорят о невиновности подозреваемого. Таким образом, ложное признание обладает высокой степенью предвзятости против невиновного обвиняемого в американской системе уголовного правосудия. Как отметил Welsh White, «система не имеет защитных механизмов, которые не позволили бы присяжным придавать непропорционально большое значение таким признаниям» [74. Р. 155].

Большое количество осужденных в результате ложных признаний станет еще выше, если рассматривать также тех, кто согласился на сделку и не предстал перед судом: в работах Leo и Ofshe [19, 20] приводится цифра 12 % из 60 дел, а в работе Drizin и Leo [26] – 11 % из 125 дел. Если считать ложные признания в обеих выборках, которые не были отклонены до суда, то более 78 % в первой и более 85 % во второй выборке были осуждены ошибочно, по сделке или в результате судебного разбирательства.

Эти цифры хорошо согласуются с результатами экспериментов и опросов общественного мнения. Все они приводят к одному выводу – что признательные показания «обладают уникальной способностью» [141. Р. 469] порождать предвзятость в пользу обвинения при истолковании фактов и приводить к ошибочным приговорам (см. также [19]). Экспериментально было показано, что участники инсценированного суда присяжных также считают признание более весомой уликой, чем любой другой тип улик [141, 143]. Kassin и Sukel [142] обнаружили, что признательные показания значительно увеличивают количество обвинительных приговоров даже в тех случаях, когда участники инсценированного суда присяжных считали, что они были получены под принуждением, и когда их инструктировали отклонять эти показания как неприемлемые; позднее они объясняли, что не могли вынести другое решение. Wallace и Kassin [150] показали подобные механизмы предубеждения у судей. Большинство американцев просто воспринимают признание как истинное. Если позднее ложные признания отзывают, то это не вызывает доверия или воспринимается как еще одно доказательство обмана, а значит, виновности [43].

Если подозреваемый, давший ложное признание, осужден, то приговор почти наверняка будет более суровым, а вероятность оправдательного приговора резко снижается [56]. При вынесении приговора судьи часто наказывают обвиняемых за то, что те заявляют о своей невиновности (поскольку на суд присяжных из-за них потрачены средства штата), а также за отказ выразить раскаяние и извиниться. Когда же обвиняемый осужден и заключен в места лишения свободы, его заявления о ложном признании и ошибочности приговора крайне редко воспринимаются серьезно чиновниками системы уголовного правосудия. Как указывает Gudjonsson [83], система уголовного правосудия плохо умеет обнаруживать, признавать и исправлять свои ошибки, особенно если осужден невинный человек. Действительно, при вынесении обвинительного приговора система официально признает вину подозреваемого, с уважением относится к вердикту присяжных и интерпретирует любые новые улики в свете, наиболее благоприятном для стороны обвинения.

До недавнего времени, пока не появились тесты ДНК, практически никто в системе уголовного правосудия не воспринимал серьезно заявления осужденного о невиновности и ошибочности приговора, особенно если приговор был вынесен на основе признательных показаний [32]. Большинство людей до сих пор по умолчанию считают приговоры правильными. Одна из причин этого в том, что система не имеет никаких стандартных механизмов пересмотра материально-правовой основы вынесения приговоров. Всегда речь идет лишь об официально дискредитированном слове осужденного против мнения целой системы. Если не произойдет какая-то счастливая случайность или вмешательство общественности, у несправедливо осужденного, который когда-то сделал ложное признание, не будет шансов официально доказать свою невиновность. Таким образом, ложные признания, сделанные под влиянием полиции, имеют наиболее тяжелые последствия из всех ошибок официальных лиц [25, 19].

Реформы правосудия

В моей работе меня интересовал не только эмпирический анализ психологических и социологических аспектов допросов в Америке, не только причины и следствия ложных признаний, сделанных под влиянием полиции, но также обоснование реформ, призванных: 1) повысить качество полицейских допросов в Америке; 2) минимизировать количество ложных признаний, сделанных под влиянием полиции, и 3) предотвратить

практику представления ложных и недостоверных признаний в суде и тем самым минимизировать риск ошибочных приговоров, вынесенных на их основе. Таким образом я надеялся способствовать закрытию пробела в системе правосудия с помощью двух реформ: введения электронной записи полицейских допросов и досудебных слушаний с целью подтвердить истинность признания. Я был в числе первых социологов в Америке, кто выступал за введение полной электронной записи полицейских допросов [41, 56, 152], а также первым, кто предложил ввести проверку сомнительных признаний на досудебном этапе, прежде чем они будут приняты как улики в суде [153, 154, 23].

Электронные записи полицейских допросов

Когда в начале 1990-х я только начинал исследования полицейских допросов и признаний, требование электронной записи было в законодательстве лишь одного штата (Аляски). Теперь, в конце 2014 г., т. е. более чем 20 лет спустя, это требование существует в форме закона в 19 штатах и округе Колумбия⁴ для всех или некоторых преступлений, а еще в двух штатах (Гавайи и Род-Айленд) является принятой практикой [155]. Кроме того, сотни отделов полиции по всей стране теперь добровольно делают такие записи, хотя это и не требуется по закону в их юрисдикциях [156]. Произошли изменения, которые были немыслимы два десятилетия назад, когда я начинал исследования в этой области.

Эти изменения в законодательстве и практике произошли не случайно. За последние 20 лет развернулось движение за узаконивание и внедрение электронной записи полицейских допросов, которая стала возможной благодаря развитию видеотехнологий в 1980-е гг. Этот вопрос все больше обсуждался в апелляционных судах в 1990-е, проекты законов неоднократно вносились на рассмотрение и были приняты во многих штатах в 2000-е. Возможно, самым значительным импульсом для ученых, активистов, специалистов в сфере уголовного правосудия и законодателей стали многочисленные сообщения в прессе об оправданиях невинно осужденных на основании тестов ДНК в середине 1990-х гг. Благодаря этим сообщениям стало уделяться больше внимания практикам полицейского допроса и ложным признаниям. Также стало больше призывов ввести обязательные электронные записи допросов, чтобы можно было оценить достоверность показаний.

Я участвовал в этом движении с начала 1990-х гг., не только документируя и анализируя ложные признания и их последствия в рамках своего исследования, но и выступая перед широкой публикой и законодателями в рамках своей общественной и профессиональной деятельности. Я постоянно рассказывал о полицейских допросах, ложных признаниях, о необходимости ввести электронные записи допросов таким профессиональным группам, как судьи, адвокаты по уголовным делам, полицейские, судебные психологи и психиатры, следователи, помощники юристов. Много лет я регулярно выступал в законодательных и судебных подкомиссиях органов власти на уровне штатов. Также я много работал в области печатных и электронных средств массовой информации – вел авторские колонки, выступал на телешоу и в печати, предоставлял материалы репортерам и журналистам, ведущим расследования. В определенном смысле миссия всей моей профессиональной жизни состояла в том, чтобы закрыть пробел правосудия с помощью знаний, которые я различными путями доносил до общественности и властей, – знаний о том, как возникают ложные признания, сделанные под влиянием полиции, почему они иногда приводят к осуждению невинных и что можно сделать, чтобы предотвратить их.

Важнейшим изменением в этой области стало введение обязательной полной электронной записи полицейских допросов. Центральным моментом практически любого ложного признания, сделанного под влиянием полиции, является спор о том, что фактически произошло во время допроса, часто очень длительного: использовали ли полицейские психологические методы принуждения (такие как угрозы и обещания), имела ли место контаминация рассказа подозреваемого информацией о преступлении, которая была известна только полиции. Как правило, суд верит той версии событий, которую представляет полиция, и отвергает возмож-

⁴ Эти штаты – Аляска, Миннесота, Иллинойс, Нью Джерси, Висконсин, Нью Мехико, Мэн, Северная Каролина, Мериленд, Небраска, Индиана, Миссури, Монтана, Орегон, Коннектикут, Арканзас, Мичиган, Калифорния, Вермонт и округ Колумбия [155].

ность принуждения или контаминации [157], поэтому оспариваемые (в том числе ложные) признания почти всегда принимаются как реальные улики. В результате полиция во многом имеет возможность предопределить, на какую версию событий будут опираться судьи и присяжные при оценке признания обвиняемого. Как мы видели на примере сотен документированных дел, это может привести к осуждению невиновных, которые в результате попадают в тюрьму, иногда на десятилетия, как Бредли Пейдж.

Электронная запись позволяет объективно, всесторонне, вдумчиво оценить ход допроса, не полагаясь на неполные, субъективные и, возможно, предубежденные мнения его участников. Она также снимает завесу секретности с процедуры допроса, который становится прозрачным и доступным для независимой оценки. Как отмечал Tom Sullivan, «повторный показ» в игре с полицией позволяет исключить спорные моменты [158. Р. 6]. Таким образом, ошибочные предположения и ложные воспоминания не будут восприниматься как факты. Кроме того, электронная запись способствует распространению лучшего опыта в работе полиции, так как следователи начинают избегать таких недопустимых методов, как угрозы, обещания и контаминация [159]. Чем более общепринятой и институционализированной становится электронная запись, тем больше она меняет культуру допроса, поскольку полицейские меньше используют методы, которые ведут к ложным признаниям.

Даже если следователи продолжают получать ложные признания – это представляется неизбежным, – электронная запись поможет исключить их из числа улик, которые ведут к ошибочным приговорам. Ведь запись создает долговременный и объективный источник информации для судей и присяжных. Таким образом, она становится средством, с помощью которого третьи стороны, такие как суды, могут отслеживать методы полиции и вводить в действие другие защитные механизмы [160]. Если возникают сомнения в правомерности методов полиции или достоверности утверждений подозреваемого, то руководство полиции может посмотреть записи допросов и решить вопрос о передаче дела в прокуратуру. Даже если полицейские и следователи не посчитают признание ложным, прокурор сможет оценить его достоверность с помощью электронной записи. Запись позволит прокурору оценить методы полиции, ответы подозреваемого и его собственную осведомленность о деталях преступления, которые не сообщались широкой публике.

И все же ложные признания до сих пор иногда встречаются, несмотря на полицейские и прокурорские фильтры; даже самые добросовестные следователи и обвинители иногда ошибаются. Во многих таких делах судьи первой инстанции определяли, что признание было истинным, и во всех делах, которые привели к ошибочному приговору, судьи и присяжные при оценке допроса говорили, что считали признание надежным свидетельством вины [26]. Полная запись допроса помогает предотвратить такие ошибки и дает возможность судьям и присяжным принимать решения, основанные на фактах, в том что касается принятия признательных показаний в качестве улики и придания им определенного веса в системе доказательств вины.

Сохранение полной записи допроса с возможностью доступа к ней создает многочисленные защитные механизмы в системе уголовного правосудия, позволяющие отсеять ошибочные и недостоверные улики и повысить надежность свидетельских показаний в уголовных делах. Электронная запись допросов не только предотвращает ошибочные приговоры невиновным, но и помогает вынести справедливый приговор виновному.

Досудебные слушания для подтверждения признательных показаний

В 2006 г. Steve Drizin, Peter Neufeld и я опубликовали статью, в которой впервые, насколько я могу судить, утверждали, что судьи первой инстанции должны проводить досудебные слушания по поводу достоверности признательных показаний [161]. Основываясь на результатах двух десятилетий эмпирических исследований в области социологии в целом [103], и в частности «стандарта соответствия Офши – Лео» [43, 44], мы предложили судьям новый метод проверки достоверности признательных показаний. Как писали много лет назад Richard Ofshe и я, в отсутствие предварительного знания или контаминации достоверность признания подозреваемого можно во многих случаях оценить с помощью анализа соответствия (или его отсутствия) между описаниями преступления в рамках рассказа подозреваемого и реальными деталями произошедшего. При этом необходимо определить, доказывает ли рассказ подозреваемого наличие (или отсутствие) знаний

о деталях преступления и подтверждается (или опровергается) ли этот рассказ объективными свидетельствами [43, 44, 19, 20]. Мы особо подчеркивали, что существует по меньшей мере три индикатора достоверности (факторы достоверности), которые можно оценить, чтобы сделать вывод об истинности признания: (1) признание приводит к обнаружению улик, ранее неизвестных полиции, (2) признание включает описание крайне необычных элементов преступления, которые не были обнаружены, или (3) признание включает точное описание обычных деталей преступления, которые нельзя угадать и которые не были обнаружены. Мы отмечали, что эти факторы, несомненно, позволят лучше оценивать достоверность признания, при этом на них могут опираться в своей повседневной деятельности все стороны системы уголовного правосудия, включая органы охраны правопорядка.

Мы также подчеркивали важность введения полной электронной записи полицейских допросов. Мы отмечали, что при оценке достоверности признания на основе электронной записи судьи должны рассматривать три фактора, определяющие принятие или отклонение признания:

1) содержит ли признание ранее не обнаруженную информацию, которая может быть независимо подтверждена, может быть известна только истинному преступнику или сообщнику и которую нельзя случайно угадать;

2) привело ли признание к обнаружению новых улик;

3) соответствует ли рассказ подозреваемого деталям преступления и имеющимся объективным уликам.

Мы утверждали, что если суд хочет признать незаписанные показания уликой по делу, то прокурор должен сначала четко и убедительно продемонстрировать, что правоохранительные органы не совершили ошибку и что признание позволило получить дополнительные улики по делу. Но даже если обвинитель выполнит это, то судья все равно должен тщательно рассмотреть остальные вышеперечисленные факторы, прежде чем решить, принимать признание как улику или отклонить его.

Предложенный нами тест на достоверность получил существенную правовую поддержку с принятием Федерального правила о доказательствах 403 и аналогичных правил штатов, которые позволяют судам первой инстанции исключать улики, если их доказательная ценность существенно уступает преюдициальному эффекту, который они могут вызвать у присяжных и привести к ошибочному вердикту⁵. По определению, ложное признание, как и любое ложное свидетельство, не имеет доказательной ценности. Признания, содержащие признаки недостоверности, но ложность которых нельзя доказать, обычно имеют очень низкую доказательную ценность. В то же время, как было показано выше, ложное признание, особенно в случае контаминации или влияния со стороны следователей, – это свидетельство, которое опасно предъявлять присяжным, так как оно с большой вероятностью приводит к ошибочному приговору. Аналогичным образом риск ошибочного приговора высок в случае признаний, содержащих признаки недостоверности, но ложность которых нельзя доказать. Таким образом, ложное или недостоверное признание, особенно в случае контаминации, имеет низкую или нулевую доказательную ценность, но при этом создает значительный риск несправедливого осуждения невиновного. Ранее мы утверждали, что указанные факторы Офши – Лео могут быть использованы судьями для оценки достоверности признания. Если сомнительное признание не отвечает минимальным пороговым требованиям, то судья первой инстанции мог бы исключить его из числа свидетельств, выносимых на судебное заседание, даже если это признание было признано законным, добровольным и отвечающим требованиям «правила Миранды» [163]. Во многих случаях действительно ложных признаний, если нет или почти нет других подтверждающих улик, как это было в деле Бредли Пейджа, прокурор, вероятно, вынужден будет снять обвинения против невиновного. В других случаях это действие предотвратит предъявление этой опасной – возможно, самой опасной из всех – улики присяжным, тем самым значительно снижая риск ошибочного приговора в суде.

⁵ В Федеральном правиле о доказательствах 403 говорится: «Суд может исключить релевантное свидетельство, если его доказательная ценность существенно ниже, чем риск одного из следующих действий: несправедливое предубеждение, смешение обстоятельств, введение присяжных в заблуждение, необоснованная отсрочка, затягивание процесса, необоснованное представление совокупных улик» [162. Р. 18].

По требованию защиты суды по уголовным делам должны оценивать достоверность признания, что может происходить на том же досудебном слушании, где оценивается добровольность дачи показаний. Признания, не обладающие достаточными признаками достоверности, должны быть исключены из числа улик. Существует несколько возможных оснований для оценки достоверности признательных показаний. Мы утверждали, что суды первой инстанции могут проводить такие слушания на основании существующих принципов и норм доказательственного права, как и поступил Верховный Суд США в 1986 г. в деле *Colorado v. Connelly* [28]. Как вариант, можно внести поправки в федеральные правила о доказательствах и таковые уровня штатов, сформулировав особое правило для проверки достоверности признания на досудебном слушании. Либо законодательные органы могли бы создать закон для оценки достоверности признания на предварительном слушании, в идеале сформулировав руководство для судей в форме комментария или непосредственно в тексте закона, где раскрывались бы критерии или факторы, на которые следует обратить внимание.

Мои соавторы и я отмечали, что Федеральное правило о доказательствах 403 и его аналоги в штатах предоставляют судам первой инстанции полномочия исключать признательные показания, если их доказательная ценность существенно ниже, чем создаваемый ими риск несправедливого предубеждения против обвиняемого, или риск смешения обстоятельств, или риск введения в заблуждение присяжных [161, 23]. Согласно правилу 403, на любом этапе уголовного процесса суды первой инстанции имеют широкие полномочия по оценке доказательной ценности любой представленной улики (включая признательные показания) и ее преюдициального эффекта и исключению ее из числа свидетельств по делу. Как и другие исследователи, мы считаем, что правило 403 представляет собой адекватный и необходимый механизм выявления недостоверных признательных показаний [164, 161, 23, 165]. Правило 403 дает судам первой инстанции широкие возможности для исключения недостоверных признаний, которые могут вызвать предубеждение у присяжных и привести к ошибочным вердиктам. Данное правило представляет собой скорее общий принцип, чем конкретное руководство к действию, и его базовая цель – обеспечить точность и справедливость процесса установления фактов в суде путем ограждения присяжных от тех, хотя и релевантных, свидетельств, которые они могут переоценить или сделать из них неверные или ненадлежащие выводы [166]. Федеральное правило о доказательствах 403 и аналогичные правила штатов широко используются судами первой инстанции во множестве других контекстов (например, при даче свидетельских показаний ребенком, при показаниях с чужих слов, при показаниях под гипнозом) с целью исключить недостоверные показания на досудебном этапе и не допустить их предъявления присяжным [167]. В деле *Daubert v. Merrill Pharmaceuticals* [168] Верховный Суд США применил правило 403, указав судам первой инстанции на их роль в оценке достоверности показаний в виде научной экспертизы на основе Федерального правила о доказательствах 702.

Мы считаем, что при использовании правила 403 для оценки соотношения между доказательной ценностью признательных показаний и риском создания предубежденности (и другими рисками) суды первой инстанции должны учитывать релевантные факторы, которые способствуют достоверности признания или снижают ее. Эти факторы, или показатели достоверности/недостоверности, включают, но не ограничиваются следующими:

- 1) привело ли заявление подозреваемого к обнаружению новых улик, ранее неизвестных полиции (например, орудие убийства, украденное у жертвы имущество и др.);
- 2) включает ли заявление подозреваемого точное описание необнародованных и/или обыденных деталей преступления, которые нельзя легко угадать, которые не были обнародованы и которые можно подтвердить другим путем;
- 3) соответствует ли рассказ подозреваемого деталям преступления и существующим объективным уликам;
- 4) в случае наличия нескольких обвиняемых соответствуют ли их показания друг другу.

Кроме того, суды первой инстанции должны учитывать, в какой степени заявление подозреваемого содержит необнародованные детали преступления, которые могут быть известны только самому подозреваемому и которые нельзя угадать; ошибки, несоответствия, противоречия с уликами по делу; признание фактов, которые полиция считала истинными в момент проведения допроса, но которые позднее оказались ложными. В то же время суды первой инстанции должны рассматривать признаки контаминации в рассказе подозреваемого, так как в случае

их наличия он вообще теряет доказательную ценность. Как было показано в работе Brandon Garrett [139], полная запись допроса могла бы предотвратить 59 из 63 ошибочных приговоров, которые были отменены в результате теста ДНК. Если будут приняты предлагаемые нами реформы, на досудебном слушании будут рассматриваться не только вопросы добровольности признания и выполнения требований «правила Миранды», но и сторона защиты сможет поднять вопрос о достоверности признательных показаний. Важно отметить, что эта реформа будет эффективной только в тех юрисдикциях, где существует требование обязательной электронной записи всего допроса до признания, потому что без такой записи судьи, прокуроры и защитники не смогут оценить, были ли детали преступления сообщены подозреваемым или получены им от полицейских.

Другие возможные направления реформ

Введение обязательной полной электронной записи полицейского допроса и рассмотрения достоверности признательных показаний на досудебном слушании – это две реформы в системе правосудия, которые я в наибольшей степени анализировал и пропагандировал в своей научной работе, презентациях, профессиональных и других выступлениях. Не существует какой-либо одной реформы, которая решила бы все проблемы, связанные с практикой полицейского допроса и дачи признательных показаний в Америке. В других работах я оценивал и/или выступал за другие реформы, направленные на предотвращение или минимизацию ложных признаний, сделанных под влиянием полиции [56]. Чем раньше будут проведены эти реформы, тем более эффективными они могут стать.

Один из относительно прямолинейных путей – повысить качество подготовки полицейских в части практик допросов и признательных показаний, чтобы следователи больше узнали о существовании, путях и причинах появления ложных признаний, сделанных под влиянием полиции, о социологических исследованиях факторов риска в этой области, о признаках истинных и ложных признаний и о способах их предотвращения. В частности, можно выделить по меньшей мере три направления реформ подготовки полицейских. Во-первых, следователям нужно объяснять, что они не могут полагаться на интуицию при определении виновности или невиновности подозреваемого на основе своего восприятия его поведения, языка тела и других невербальных признаков. Во-вторых, нужно улучшить подготовку в области различных видов и причин ложных признаний, сделанных под влиянием полиции. Следователям нужно объяснять, что применяемые ими методы могут привести к признанию невиновного человека, а главное, почему это происходит. В-третьих, нужно подробнее показывать признаки достоверных и недостоверных признаний и различия между ними. Заявление подозреваемого «Я это сделал» не несет в себе подтверждения; к нему нужно изначально относиться как к нейтральному и проверять на соответствие фактам. По иронии, в пособии Оклендского отделения полиции было указано, что неподтвержденное признание «ничего не стоит» [169. Р. 72], однако это не помешало сержантам Харрису и Лейсеру закрыть глаза на то, что признание Бредли Пейджа не было ничем подтверждено и содержало многочисленные признаки ложности и недостоверности. Следователей необходимо научить, что верно оценить достоверность признания можно только путем анализа соответствия между рассказом подозреваемого и фактами преступления; такой анализ покажет наличие виновного знания (при условии отсутствия контаминации) и подкрепленность показаний существующими уликами [44].

Другое направление реформ, достойное рассмотрения, – это введение требования определить возможную причину преступления до начала обвинительного допроса подозреваемого в полиции [170, 56]. Как мы показали выше, полицейские часто неверно определяют невиновного человека как виновного на основе ненадежных свидетельств: в случае Бредли Пейджа это был всего лишь тот факт, что он был другом жертвы, как заявил сержант Лейсер на национальном телевидении. Как только американские полицейские определили человека виновным, их целью становится не расследовать его возможное участие в преступлении, а заставить его сделать инкриминирующие заявления. Если решение начать допросы будет проверяться независимой третьей стороной, требование определить возможную причину преступления позволит предотвратить давление на подозреваемого и плохо продуманные допросы; тем самым будут выявляться дела, наиболее способствующие появлению ложных признаний.

Еще один способ предотвратить ложные признания – более эффективно регулировать использование методов допроса. Сегодня самой частой причиной ложных признаний, сделанных под влиянием полиции, являются явные или скрытые обещания снисхождения и угрозы наказанием [44]. Однако в различных штатах суды первой инстанции по-разному решают вопрос, что считать недопустимым обещанием, которое может повлиять на волю подозреваемого [171]. Апелляционные суды должны сформулировать однозначное, четкое правило, при любых условиях запрещающее делать явные или скрытые обещания, предложения или предположения о снисхождении в обмен на признание вины. Сюда можно включить все действия, позволяющие воспринять их как обещание, предложение или предположение сокращения срока заключения, смягчения приговора или наказания; освобождения; иммунитета; снисхождения со стороны полиции, прокуратуры или суда в обмен на признание. Аналогичным образом, апелляционные суды должны создать однозначное правило, при любых условиях запрещающее явные или скрытые угрозы или предположения об ущербе, если признание не будет сделано. Сюда включаются любые действия, позволяющие воспринять их как предположение о вынесении смертного приговора, повышении срока заключения или другом ужесточении наказания в случае отсутствия признания.

Апелляционные суды и законодательные органы могут также вернуться к рассмотрению вопроса, насколько вообще приемлемыми можно считать техники допроса, вводящие в заблуждение. Экспериментальные и полевые исследования показали, что уловки с ложными уликами повышают риск получения ложных и недостоверных признаний [120]. В делах с ложными признаниями почти всегда фигурирует ложь полицейских во время допроса относительно улик. Эмпирически понятно, что такая ложь почти всегда необходима для получения ложного признания: за немногими исключениями, ложные признания не появляются без обмана со стороны полиции. Одна из причин этого в том, что если подозреваемый верит в этот обман, то он начинает считать, что он виновен в глазах третьих сторон и может изменить свое положение, только сделав признание. Другая причина – такая уловка заставляет подозреваемых сомневаться в своей памяти или способности противостоять постоянным обвинениям, подаваемым как установленный факт. И все же такие уловки обычно не приводят к ложным признаниям, если не сопровождаются другими техниками принуждения, такими как явные или скрытые обещания или угрозы.

Суды и законодатели могут также установить временные рамки допросов. Длительные допросы в условиях изоляции не только неправомерны, но и, как показали недавние исследования, гораздо чаще приводят к ложным признаниям. Обычные допросы длятся в среднем менее двух часов [40, 42], тогда как допросы, в ходе которых были получены ложные признания, часто длятся более шести часов [26]. Длительные допросы повышают риск ложных признаний потому, что утомляют подозреваемых, тем самым снижая их способность и желание сопротивляться давлению полиции. Если будет установлено ограничение на продолжительность допроса в четыре часа, то риск получения ложных признаний снизится, а возможности полиции для получения истинных признаний от виновных не пострадают [172]. Ведь, как заявлено в самом авторитетном в Америке пособии по полицейским допросам, «компетентному следователю редко требуется больше четырех часов для получения признания от преступника, даже в очень серьезных случаях... В большинстве дел требуется гораздо меньше четырех часов» [87. Р. 597].

Еще одно перспективное направление реформ – это, разумеется, введение дополнительных защитных механизмов для групп лиц, наиболее уязвимых для психологического давления при обвинительном допросе, а значит, с наибольшей вероятностью делающих ложные признания. Это лица с психическими и когнитивными нарушениями (особенно с нарушениями интеллекта), несовершеннолетние (особенно младше 15 лет), лица с психическими заболеваниями. Дополнительные защитные механизмы включают целый спектр мер от специальной подготовки полицейских в области работы с этими группами населения или более тщательной проверки достоверности показаний, полученных от этих групп, до присутствия опекунов или соответствующих взрослых при допросах [26].

Ряд исследователей указывают, что одним из защитных механизмов против ошибочных осуждений невиновных может быть обращение к свидетельству эксперта-социолога в делах с сомнительным допросом

или признанием [172–174]. Действительно, большое количество авторитетных научных исследований в этой области, а также множество прецедентов американского права подтверждают целесообразность таких свидетельств экспертов [172]. Если сомнительное признание предъявляется в суде, то присяжным необходимо знать, каким образом невиновного человека можно заставить признаться, особенно в тяжком преступлении [175]. Цель такого свидетельства эксперта в суде – дать общий обзор исследований проблемы допросов и признательных показаний, чтобы помочь присяжным принять информированное решение относительно значения признания обвиняемого. В частности, эксперт-социолог может помочь присяжным: 1) разобрав научные работы по проблеме ложных признаний, сделанных под влиянием полиции, 2) объяснив, как и почему конкретные методы и стратегии допроса могут заставить невиновного дать признательные показания, 3) определив условия, повышающие риск ложного признания, 4) объяснив принципы анализа рассказа подозреваемого. Свидетельство эксперта в суде, направленное на повышение знаний присяжных в области психологии, причин и признаков ложных признаний, должно снизить количество ошибочных приговоров, основанных на ложных признаниях.

И последнее из возможных направлений реформ – это использование предупредительных инструкций для членов суда присяжных. Теоретически такие инструкции должны повысить настороженность присяжных по отношению к признательным показаниям, которые их просят оценить, а значит, увеличить точность вердиктов и снизить число ошибочных приговоров, основанных на недостоверных признаниях. Инструкции присяжным – обычно крайняя мера, потому что они затрагивают лишь небольшой процент дел, доходящих до суда. Кроме того, это наименее перспективная и системная мера из всех предлагаемых реформ, потому что она применяется в самом конце уголовного процесса. Инструкции присяжным редко дают в делах, где имеются признательные показания, однако они также повышают знания присяжных в области рисков отдельных техник допроса, принципов анализа рассказа подозреваемого, важности независимого подтверждения показаний. Таким образом, это один из способов, которым на уровне суда можно реформировать процедуру судебного расследования и повысить настороженность присяжных, чтобы обеспечить принятие более достоверных показаний и вынесение более точных вердиктов.

Криминологические аспекты ошибочных приговоров

В моей научной и другой работе я всегда стремился лучше понять и предотвратить не только ложные признания, сделанные под влиянием полиции, но и ошибочные приговоры, вынесенные невиновным. Это один из величайших пробелов правосудия в наше время. Как было показано выше, в американской системе уголовного правосудия нет худшей ошибки (которую к тому же она сама порождает), чем ошибочный обвинительный приговор фактически невиновному человеку, не говоря уже о приведении такого приговора в исполнение, что случалось много раз за последнее столетие [176–180]. Ошибочные приговоры требуют уделить особое внимание тому, чтобы понять их причины и предотвратить их. Ложные признания – лишь одна из причин или источников ошибочных приговоров. Как теперь стало известно, есть также много других причин, включая ошибочные опознания свидетелей, лжесвидетельства, ошибочные показания, ошибки и мошенничества судебной экспертизы, недобросовестные действия полиции и прокуратуры, неэффективные действия защитников. Необходимы дальнейшие и более качественные криминологические исследования в области ошибочных приговоров, направленные как на систематическое изучение ошибок уголовного правосудия, так и на повышение качества правосудия в Америке [181].

История изучения судебных ошибок

Изучение ошибочных приговоров в Америке началось с книги «Осуждая невиновных» (“Convicting the Innocent”) профессора права Йельского университета Эдвина Борхарда [182]. Выступая против широко распространенной тогда идеи, что невиновным людям никогда не выносятся обвинительные приговоры, Борхард продемонстрировал на примере 65 дел, что по различным причинам невиновные бывают осуждены, а значит, система уголовного правосудия может ошибаться. Революционная работа Борхарда сместила

фокус внимания с вопроса «бывают ли в Америке случаи вынесения ошибочного приговора невиновным» на вопрос «почему произошли эти ошибочные осуждения и как можно исправить это положение». Примерно через полвека после выхода книги Борхарда появилось еще несколько подобных работ, написанных адвокатами и журналистами. Они появлялись спорадически, часто были написаны по одной схеме и повторяли практически те же мысли, но на примере новых дел. Среди них можно назвать книги Эрла Стенли Гарднера «Суд последней надежды» [183], Джерома Франка и Барбары Франк «Невиновен» [184], Эдварда Радиана «Невиновные» [185]. Как и в книге Борхарда, в них обсуждались случаи невинно осужденных, их предполагаемые причины и предлагались реформы для их устранения. Они были написаны по одной схеме, однако авторами двигало моральное негодование по поводу этой игнорируемой, но одной из самых важных проблем американского уголовного правосудия.

Большую часть десятилетия 1980-х гг. криминологи и социологи не проводили эмпирического изучения ошибочных приговоров невиновным. В то время почти все считали, что невиновные крайне редко или совсем никогда не получают ошибочных приговоров [186, 187]. Это мнение начало меняться, когда в 1987 г. в *Stanford Law Review* была опубликована программная работа Хьюго Бедау и Майкла Раделета «Ошибки правосудия в делах с потенциальным смертным приговором» [67]. Авторы выявили 350 дел, рассматривавшихся в судах Америки с 1900 по 1985 г., где были вынесены ошибочные приговоры с потенциальной смертной казнью, и, используя системный анализ, исследовали причины этих ошибок, источники выявления этих ошибок, а также число невиновных осужденных, которые были казнены (23). Эта революционная статья ознаменовала начало новой эры в изучении ошибочных приговоров (в частности, по тяжчайшим преступлениям) в Америке и стала важнейшей в этой области [188, 189]. Через пять лет после этого вышла книга Раделета, Бедау и Путнама [190], в которой перечислялись 416 невиновных по делам с потенциальным смертным приговором, 24 из которых были казнены с 1900 г. Однако спустя короткое время эта работа была одновременно подтверждена и потеряла свое значение благодаря самому важному достижению в истории ошибочных приговоров: тесту ДНК и его применению в системе уголовного правосудия, в частности, для пересмотра дел после вынесения приговора по заявлению осужденных о своей невиновности.

С 1989 г., когда произошли первые пересмотры дел на основе теста ДНК, с помощью этого теста было доказано вынесение множества ошибочных приговоров, в том числе по многочисленным делам с потенциальным смертным приговором⁶. Первой опубликованной на эту тему работой стало исследование о 28 ошибочных приговорах, в которых невиновность была доказана с помощью теста ДНК. Оно было опубликовано Департаментом юстиции в 1996 г. под заголовком «Осужденные присяжными, оправданные наукой: доказательство невиновности с помощью ДНК после вынесения приговора» [191]. С тех пор тесты ДНК стали еще сложнее, при этом была доказана невиновность более 320 ошибочно осужденных. Основатели проекта «Невиновность» Barry Scheck и Peter Neufeld, а также другие специалисты продолжают работу над делами, в которых тест ДНК помог установить фактическую невиновность и привел к освобождению ошибочно осужденных. Впечатляющая работа этих деятелей и всего проекта в Нью-Йорке привела к созданию множества подобных проектов или правовых клиник при школах права в регионах, которые также пытаются оправдать невиновных ошибочно осужденных и выступают за реформы, нацеленные на предотвращение и минимизацию ошибочных приговоров. В 2000 г., когда Scheck и Neufeld (вместе с журналистом Джимом Дуайером) опубликовали работу «Фактически невиновны: пять дней до казни и другие случаи с ошибочно осужденными» [31], 62 невиновных осужденных в Америке были оправданы на основе теста ДНК. Спустя 14 лет таких осужденных стало 321⁷, и эта цифра будет расти. В последние 25 лет также растет число ошибочно осужденных невиновных, оправданных с помощью других методов. В 2011 г. Сэм Гросс из школы права Мичиганского университета и Роб Уорден из Центра по ошибочным приговорам из Северозападного

⁶ См. <http://www.innocenceproject.org>

⁷ См. Там же.

университета создали Национальный регистр приговоров, пересмотренных в сторону оправдания, в котором в настоящее время содержится около 1 500 таких случаев с 1989 г., большинство из которых не прибегало к тесту ДНК⁸.

Оправдание сотен ошибочно осужденных невиновных поколебало ряд наших самых фундаментальных убеждений относительно системы и процедур американского уголовного правосудия. Точный процент ошибочных приговоров остается неизвестным, да и определить его невозможно. Однако в последние два десятилетия среди широкой публики, журналистов, сотрудников системы уголовного правосудия и судебной системы растет понимание того, что в американской системе уголовного правосудия ошибочные приговоры выносятся регулярно и часто. Так, только относительно ошибочных приговоров по делам, предполагающим смертную казнь, судья Верховного Суда США Дэвид Соутер писал в решении по делу *Kansas v. Marsh* (2006), что они выносятся «в количествах, о которых нельзя было и подумать до появления тестов ДНК» ([192. Р. 203], совпадающее мнение). Действительно, результаты проверки осужденных на ДНК, проведенные в 1990-х и 2000-х гг., не только раскрыли природу и частоту ошибок в американской правовой системе, но и поставили проблему ошибочных приговоров в общенациональную повестку, что привело к падению доверия общественности к системе уголовного правосудия и даже к снижению поддержки смертной казни [193]. Опрос 2001 г. показал, что 94 % американцев считают, что невиновных осужденных иногда казнят [194].

Достижения в криминологии судебных ошибок

В последние два десятилетия появилось множество исследований и публикаций ученых-правоведов, юристов-практиков и журналистов, посвященных ошибочным приговорам. Однако, за немногими исключениями [67, 195–201], до 2004 г. очень мало таких работ было написано криминологами. В 2005 г. я опубликовал статью, в которой стремился раскрыть криминологию ошибочных приговоров как область науки. Я попытался показать существующие варианты и недостатки эмпирических исследований ошибочных приговоров на примере трех типов работ. Я назвал их (1) «широкий охват» – такие исследования, как работа [182], или позднее выпущенная книга [30] с тем же заглавием, где дается обзор проблемы и ее решений и обсуждается большая выборка дел с ошибочными приговорами, различные правовые причины ошибочных приговоров, а затем предлагается набор реформ для их минимизации; (2) «специальная литература» – в основном психологические работы, посвященные причинам ошибочных приговоров, например, ошибочные опознания свидетелей, ложные признания, внушаемость детей; и (3) «документально-криминальный жанр» – книги с разбором дел, в которых был вынесен ошибочный приговор [188].

Я показал, что каждый из этих трех типов работ внес значительный вклад в наше понимание ошибочных приговоров, однако у них всех есть также множество недостатков. Книги с «широким охватом» представляют обзор актуального знания о причинах и последствиях ошибочных приговоров, а также путях решения этой проблемы. Однако эти книги были написаны по большей части журналистами и адвокатами, а не криминологами и социологами и так мало отличаются друг от друга, что содержат, как я писал, «знакомый сюжет» и практически никаких новых идей для решения проблемы ошибочных приговоров; по сути, они стали интеллектуальным тупиком. Специальная литература в основном была успешной в своих областях, но осталась по большей части незамеченной криминологами, и никто не попытался связать эти специализированные психологические работы с более широкими криминологическими исследованиями в области ошибочных приговоров. Как я писал в то время, «необходимо оторваться от изучения отдельных ошибок и понять, как в результате действия социальных сил, институциональной логики, ошибочных суждений и решений людей возникают ошибочные приговоры» [188. Р. 211]. Наконец, я утверждал, что книги документально-криминального жанра важны, потому что они гуманизируют проблему ошибочных приговоров, представляя до-

⁸ URL: <https://www.law.umich.edu/special/exoneration/Pages/about.aspx>

кументированную историю множества индивидуальных трагедий, и достигают широкой аудитории. Однако такие работы скорее описательные, чем систематизирующие или аналитические, в них не используются социологические подходы и методы анализа, а также они обычно не опираются на научную литературу в области ошибочных приговоров (а иногда и не упоминают ее) [188].

Я утверждал, что криминологи должны систематически развивать изучение ошибочных приговоров, делая эту область знания более углубленным и обобщенным разделом социологии. По моему мнению, с этой целью криминологи должны уйти от во многом упрощенных и неверных допущений, изложенных в вышеуказанной литературе, и стремиться к более глубокому пониманию психологических, социологических и институциональных причин ошибочных приговоров. Кроме того, я утверждаю, что для прогресса в изучении ошибочных приговоров необходимо построить теорию – выработать подходы и парадигмы для понимания общих закономерностей, объяснить логику и характеристики дел с ошибочными приговорами: «Криминологи должны ставить более широкие вопросы и пытаться найти более широкие ответы относительно того, как и почему различные действующие лица в системе уголовного правосудия, по отдельности и сообща, принимают верные и неверные решения на различных стадиях уголовного процесса» [188. Р. 215]. Кроме того, я считаю, что с методологической точки зрения эта область науки должна перейти от описательного изложения материалов дел и историй пересмотров приговоров к систематизации информации об ошибочных приговорах, при этом поддерживая сбор комплексных данных, сопоставительные исследования, анализ связей ([188], см. также [27, 181]).

Я преследовал в основном две цели. Мне хотелось бы, чтобы социологи перешли от эмпирических исследований в области ошибочных приговоров к более теоретически обоснованным и методологически грамотным криминологическим работам. Мне хотелось бы, чтобы наше коллективное знание о причинах, характеристиках и последствиях ошибочных приговоров стало более валидным и достоверным. Однако я не хочу, чтобы эта область становилась чисто академической. Как и многие социологи, я заинтересован в углублении и обобщении знания об ошибочных приговорах, которое позволило бы выработать более совершенные политические меры и снизить уровень несправедливости и ненужных страданий. Другими словами, я хочу помочь ученым и государственным деятелям понять и постараться закрыть некоторые пробелы в американской системе уголовного правосудия.

Заключение: закрывая пробел правосудия

За последние 25 лет социологические исследования по проблеме ошибочных приговоров в Америке привели к тому, что некоторые специалисты называют «революцией невиновных» [202–204] или «новым движением за гражданские права» [205, 206]. Это движение берет начало от ранних инновационных работ Барри Шека и Питера Нойфелда, основателей проекта «Невиновность» в школе права Кардозо в 1992 г., целью которого было «бесплатно предоставлять помощь в расследовании и юридическую помощь ошибочно осужденным и работать для предотвращения условий, приводящих к таким ошибочным приговорам» [207. Р. 5]. Затем появилась Общенациональная сеть невиновных, которая ныне охватывает более 60 проектов. Движение невиновных основывало свою деятельность на научных исследованиях, сообщениях в СМИ, поддержке юристов и законодателей и, в свою очередь, оказало значительное влияние на американскую систему уголовного правосудия в целом. Keith Findley писала, что «движение невиновных, появившееся в 1990-х... стало самым заметным явлением в мире уголовного правосудия со времени “революции надлежащего судопроизводства” (Warren Court’s Due Process Revolution) в 1960-х» [207. Р. 3]. Возможно, это преувеличение, но движение невиновных действительно показало, что криминологи и другие ученые-правоведы могут внести свой вклад в закрытие пробелов при осуществлении правосудия в Америке.

Документируя и анализируя сотни случаев ошибочного осуждения и лишения свободы невиновных, авторы эмпирических исследований за последние два десятилетия заново развенчали миф о непогрешимости системы уголовного правосудия, который был широко распространен до начала 1990-х гг. Казалось бы, этот миф должен был пошатнуться после появления книги Борхарда в 1930-х гг. (и работ других ученых

в последующие десятилетия), однако эту работу в основном игнорировали в течение более полувека. Как мы показали выше, американцы считали, что ошибочное осуждение невинных – это редкая случайность, особенно о тяжких преступлениях, а значит, не заслуживает никаких усилий по изучению или реформированию. Как отмечала Findley, «до появления теста ДНК в конце 1980-х гг. большинство сотрудников американской системы уголовного правосудия и специалистов самодовольно считали ее практически непогрешимой, а ошибочные приговоры хотя теоретически возможными, но настолько невероятными, что не стоит о них и думать» [208. Р. 1163]. Развенчав этот миф о непогрешимости, эмпирические работы криминологов показали, что ошибочные приговоры невиновным представляют собой обычную, широко распространенную и систематическую практику американской системы уголовного правосудия, а не случайное и редкое отклонение.

Задokumentировав и обнародовав сотни безусловно ошибочных приговоров, ученые и активисты также вы­звали к жизни явление, которое криминолог Marvin Zalman назвал «осознанием невиновности» [187. Р. 1468]. Zalman определил его как «идею о том, что значительное число невиновных людей оказываются осуждены в результате системных проблем уголовного правосудия, поэтому необходимо прилагать усилия к их оправданию и проводить структурные реформы для сокращения подобных ошибок в будущем» [187. Р. 1468]. Осознание невиновности, или «инноцентризм» ("innocentrism", [205]), отразилось в растущем понимании со стороны широкой публики, средств массовой информации, законодателей и самой правовой системы того, что ошибочные приговоры действительно выносятся. Примечательно, что это новое осознание невиновности вызвало глубокие изменения в общественном мнении относительно смертной казни. Как мы видели, движение невиновных привело к снижению общественной поддержки смертной казни. В январе 2000 г. тогдашний губернатор штата Иллинойс Джордж Райан (George Ryan) объявил о моратории на смертную казнь в штате Иллинойс, так как с момента восстановления смертной казни в этом штате в 1973 г. больше осужденных было освобождено из камер смертников по причине их фактической невиновности ($n = 13$), чем казнено ($n = 12$). Действие моратория в этом штате закончилось в 2011 г., и смертную казнь запретили [209]. Еще несколько штатов также ввели запрет на смертную казнь: Нью-Джерси и Нью-Йорк в 2007 г., Нью-Мехико в 2009 г., Коннектикут в 2012 г., Мериленд в 2013 г. В штатах, где смертная казнь сохраняется, количество таких приговоров и приведенных в исполнение казней значительно снизилось за последние два десятилетия. Снижился и уровень общественной поддержки высшей меры наказания [210]. Самым значимым фактором этих изменений явилось осознание невиновности [193, 211, 207].

Движение невиновных, поддержанное эмпирическими социологическими исследованиями, посвященными причинам ошибочных приговоров, не только значительно повлияло на обсуждение уголовной политики, но и способствовало принятию ряда важных реформ. Эти реформы были направлены на снижение числа ошибочных приговоров через повышение надежности процедуры полицейского расследования и качества улик, на которых основывается обвинение. Как было показано выше, криминологические исследования внесли большой вклад в широкое внедрение требования обязательной электронной записи – эта мера наиболее часто рекомендуется для предотвращения ложных признаний и основанных на них ошибочных приговоров [56, 120] – во многих штатах и добровольное использование такой записи в сотнях отделений полиции других штатов. То же произошло с обширными эмпирическими исследованиями, посвященными ошибочным опознаниям свидетелей, которые почти повсеместно считались главной причиной ошибочных приговоров, благодаря работам от Borchard [182] до Garrett [30]. Эти исследования позволили провести множество реформ с целью предотвратить ошибки свидетелей, например, с помощью двойного слепого опознания и опознания по фотографии; подбора граждан для процедуры опознания исходя из описания жертвы, а не внешности подозреваемого; сообщения свидетелю, что подозреваемый может быть или не быть в числе опознаваемых лиц; документирования первоначальных суждений свидетеля; электронной записи процесса опознания ([212–214; однако см. [215]). Социологи также предложили множество рекомендаций для минимизации количества ошибочных приговоров, вызванных ошибками судебной экспертизы, включая вывод криминалистических лабораторий из-под контроля правоохранительных органов, введение аккредитации лабораторий и развитие

системы сертификации экспертов, введение независимого надзора и аудита лабораторий, повышение качества исследований и подготовки в этой области [216–218]. Еще один значительный источник ошибочных приговоров – ложные свидетельства информаторов в местах лишения свободы [30] – имеет сходство с признательными показаниями, поэтому предлагаемые реформы включают введение электронной записи всех сообщений таких информаторов, требования подтверждающих улик, досудебных слушаний для подтверждения достоверности и тщательного инструктирования присяжных [219–222].

Таким образом, предлагаемые реформы направлены на четыре ведущие источника ошибочных приговоров – ложные признания, ошибочные опознания свидетелей, ошибки судебной экспертизы, ложные свидетельства информаторов в местах лишения свободы. Основным принципом практически всех этих реформ стало требование большей прозрачности в процессе сбора улик, а также развитие и внедрение лучших практик, основанных на социологических исследованиях [114]. Другими словами, эмпирические исследования криминологов и других ученых в последние два десятилетия способствовали развитию лучших практик по предотвращению ошибочных приговоров и повышению надежности работы системы уголовного правосудия [223].

В более широком смысле в последнее десятилетие в криминологических и эмпирических исследованиях сделана попытка создать новые подходы, парадигмы и теории, чтобы лучше понять, как и почему появляются ошибочные приговоры, как их можно эффективно предотвратить, как можно и нужно реформировать систему уголовного правосудия, не затрагивая ее базовых ценностей [73, 224, 187, 225]. Развитие концептуального знания важно не только для создания более систематических, обобщающих и фундаментальных подходов к проблеме ошибочных приговоров [188], но и чтобы показать законодателям, что положено на чашу весов и каковы издержки решений в данной области. В этом отношении криминологи находятся в уникальном положении – они создают знание на основе практики, чтобы помочь законодателям предотвратить ошибочные приговоры в будущем, а значит, закрыть пробел в правосудии.

Список литературы / References

1. Sen, A. (2009). *The idea of justice*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
2. Merton, R. K. (1965). *On the shoulders of giants*. Chicago, IL, University of Chicago Press.
3. Clear, T. R. (2009). *Imprisoning communities*. New York, NY, Oxford University Press.
4. Clear, T. R. (2014). *The punishment imperative*. New York, NY, New York University Press.
5. Calavita, K., Jenness, V. (2013). Inside the pyramid of disputes: Naming problems and filing grievances in California prisons. *Social Problems*, 60 (1), 50–80.
6. Simon, J. (2014). *Mass incarceration on trial: A remarkable court decision and the future of prisons in America*. New York, NY, The New Press.
7. Feeley, M. M. (1979). *The process is the punishment: Handling cases in a lower criminal court*. New York, NY, Russell Sage Foundation.
8. Vera Institute. (1974). *Felony disposition study: Preliminary report*. <http://www.vera.org/sites/default/files/resources/downloads/1499.pdf>
9. Baldus, D. W., Woodworth, G. G., Pulaski, Jr., C. A. (1990). *Equal justice and the death penalty: A legal and empirical analysis*. Boston, MA, Northeastern University Press.
10. Kaplan, P. (2012). *Murder stories: Ideological narratives in capital punishment*. Lanham, MD, Lexington Books.
11. Zimring, F. E. (2003). *The contradictions of American capital punishment*. New York, NY, Oxford University Press.
12. Feld, B. C. (1999). *Bad kids: Race and the transformation of juvenile justice*. New York, NY: Oxford University Press.
13. Zimring, F. E. (2005). *American juvenile justice*. New York, NY, Oxford University Press.
14. Marx, G. (1988). *Undercover: Police surveillance in America*. Berkeley, CA, University of California Press.
15. Skolnick, J. H. (1966). *Justice without trial: Law enforcement in a democratic society*. New York, NY, John Wiley & Sons.
16. Zimring, F. E. (2012). *The city that became safe: New York's lessons for urban crime and its control*. New York, NY, Oxford University Press.
17. Miller, J. (2011). Social justice work: Purpose-driven social science. *Social Problems*, 58 (1), 1–20.

18. Davis, D. (2010). Lies, damned lies, and the path from police interrogation to wrongful conviction. In M. H. Gonzales, C. Tavis, J. Aronson (Eds.), *The scientist and the humanist: A Festschrift in honor of Elliot Aronson* (pp. 211–247). New York, NY, Psychology Press.
19. Leo, R. A., Ofshe, R. J. (1998). The consequences of false confessions: Deprivations of liberty and miscarriages of justice in the age of psychological interrogation. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 88 (2), 429–496. <https://doi.org/10.2307/1144288>
20. Leo, R. A., Ofshe, R. J. (2001). The truth about false confessions and advocacy scholarship. *The Criminal Law Bulletin*, 37, 293–370.
21. Pratkanis, A., Aronson, E. (1991). *Age of propaganda: The everyday use and abuse of persuasion*. New York, NY, W. H. Freeman & Co.
22. Wrightsman, L. S., Kassin, S. M. (1993). *Confessions in the courtroom*. Thousand Oaks, CA, Sage Publications.
23. Leo, R. A., Neufeld, P. J., Drizin, S. A., Taslitz, A. E. (2013). Promoting accuracy in the use of confession evidence: An argument for pre-trial reliability assessments to prevent wrongful convictions. *Temple Law Review*, 85 (4), 759–838.
24. *People v. Page*, 2 Cal. App. 4th 161. (1991).
25. Kassin, S. M. (2012). Why confessions trump innocence. *American Psychologist*, 67 (6), 431445. <https://doi.org/10.1037/a0028212>
26. Drizin, S. A., Leo, R. A. (2004). The problem of false confessions in the post-DNA world. *North Carolina Law Review*, 182, 891–1007.
27. Gould, J. B., Carrano, J. Leo, R. A., Hail-Jares, K. (2014). Predicting erroneous convictions. *Iowa Law Review*, 99, 471–522.
28. *Colorado v. Connelly*, 479 U.S. 157 (1986).
29. Kassin, S. M., Wrightsman, L. S. (1985). Confession evidence. In S. M. Kassin, L. S. Wrightsman (Eds.), *The psychology of evidence and trial procedure* (pp. 67–94). Beverly Hills, CA, Sage Publications.
30. Garrett, B. L. (2011). *Convicting the innocent: Where criminal prosecutions go wrong*. Cambridge, MA, Harvard university Press.
31. Scheck, B., Neufeld, P. J., Dwyer, J. (2000). *Actual innocence: Five days to execution and other dispatches from the wrongly convicted*. New York, NY, Random House.
32. Ayling, C. J. (1984). Corroborating confessions: An empirical analysis of legal safeguards against false confessions. *Wisconsin Law Review*, 1121–1204.
33. Gudjonsson, G. H. (1992). *The psychology of interrogations, confessions and testimony*. New York, NY: John Wiley & Sons.
34. Ofshe, R. J. (1989). Coerced confessions: The logic of seemingly irrational action. *Cultic Studies Journal*, 6 (1), 1–15.
35. Warden, R., Drizin, S. A. (2009). *True stories of false confessions*. Evanston, IL, Northwestern University Press.
36. Page, J. (1998). *Trial and error: A father's unsettling look at the criminal justice system*. Berkeley, CA, Mercurio Bros.
37. Gould, J. B., Barclay, S. (2012). Mind the gap: The place of gap studies in sociolegal scholarship. *Annual Review of Law and Social Science*, 8, 323–335. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-102811-173833>
38. Leo, R. A. (1994). *Police interrogation in America: A study of violence, civility and social change*. (Unpublished doctoral dissertation). University of California at Berkeley.
39. Leo, R. A. (1992). From coercion to deception: The changing nature of police interrogation in America. *Crime, Law, and Social Change: An International Journal*, 18 (1–2), 35–59. <https://doi.org/10.1007/BF00230624>
40. Leo, R. A. (1996). Inside the interrogation room. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 86 (2), 266–303. <https://doi.org/10.2307/1144028>
41. Leo, R. A. (1996). The impact of Miranda revisited. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 86 (3), 621–692. <https://doi.org/10.2307/1143934>
42. Feld, B. C. (2013). *Kids, cops and confessions: Inside the interrogation room*. New York, NY, New York University Press.
43. Ofshe, R. J., Leo, R. A. (1997). The social psychology of police interrogation: The theory and classification of true and false confessions. *Studies in Law, Politics and Society*, 16, 189–251.
44. Ofshe, R. J., Leo, R. A. (1997). The decision to confess falsely: Rational choice and irrational action. *Denver University Law Review*, 74, 9791122.
45. Moston, S., Stephenson, G. M., Williamson, T. M. (1992). The effects of case characteristics on suspect behavior during police questioning. *British Journal of Criminology*, 32 (1), 23–40.
46. Forrest, K. D., Woody, W. D., Brady, S. E., Batterman, K. C., Stastny, B. J., Bruns, J. A. (2012). False evidence ploys and interrogations: Mock jurors' perceptions of false-evidence ploy type, deception, coercion, and justification. *Behavioral Sciences and the Law*, 30 (3), 342364. <https://doi.org/10.1002/bsl.1999>
47. Kassin, S. M., Kiechel, K. L. (1996). The social psychology of false confessions: Compliance, internalization, and confabulation. *Psychological Science*, 7 (3), 125–128. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1996.tb00344.x>

48. Kebbell, M. R., Hurren, E., J., Roberts, S. (2006). Mock-Suspects' decision to confess: The accuracy of eyewitness evidence is critical. *Applied Cognitive Psychology*, 20, 477–486. <https://doi.org/10.1002/acp.1197>
49. Nash, R. A., Wade, K. A. (2009). Innocent but proven guilty: Eliciting internalized false confessions using doctored-video evidence. *Applied Cognitive Psychology*, 23 (5), 624–637. <https://doi.org/10.1002/acp.1500>
50. Perillo, J. T., Kassin, S. M. (2011). Inside interrogation: The lie, the bluff, and false confessions. *Law and Human Behavior*, 35 (4), 327–337. <https://doi.org/10.1007/s10979-010-9244-2>
51. Redlich, A. D., Goodman, G. S. (2003). Taking responsibility for an act not committed: The influence of age and suggestibility. *Law and Human Behavior*, 27 (2), 141–156. <https://doi.org/10.1023/A:1022543012851>
52. Woody, W. D., Forrest, K. D. (2009). Effects of false-evidence ploys and expert testimony on jurors' verdicts, recommended sentences, and perceptions of confession evidence. *Behavioral Sciences and the Law*, 27 (3), 333–360. <https://doi.org/10.1002/bsl.865>
53. Woody, W. D., Forrest, K. D., Yendra, S. (2014). Comparing the effects of explicit and implicit false-evidence ploys on mock jurors' verdicts, sentencing recommendations, and perceptions of police interrogation. *Psychology, Crime & Law*, 20 (6), 603–617. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2013.804922>
54. Wright, D. S., Wade, K. A., Watson, D. G., (2013). Delay and déjà vu: Timing and repetition increase the power of false evidence. *Psychonomic Bulletin & Review*, 20 (4), 812–818. <https://doi.org/10.3758/s13423-013-0398-z>
55. Davis, D., O'Donohue, W. (2004). The road to perdition: Extreme influence tactics in the interrogation room. In W. O'Donohue (Ed.), *Handbook of forensic psychology* (pp. 897–996). San Diego, CA, Academic Press.
56. Leo, R. A. (2008). *Police interrogation and American justice*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
57. Davis, D., Leo, R. A., Follette, W. C. (2010). Selling confession: Setting the stage with the "sympathetic detective with a time-limited offer. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 26 (4), 441–457. <https://doi.org/10.1177/1043986210377229>
58. Horgan, A. J., Russano, M. B., Meissner, C. A., Evans, J. R. (2012). Minimization and maximization techniques: Assessing the perceived consequences of confessing and confession diagnosticity. *Psychology, Crime & Law*, 18 (1), 65–78. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2011.561801>
59. Kassin, S. M., McNall, K. (1991). Police interrogation and confessions: Communicating promises and threats by pragmatic implication. *Law and Human Behavior*, 15 (3), 233–251.
60. Klaver, J. R., Lee, Z., Rose, G. (2008). Effects of personality, interrogation techniques and plausibility in an experimental false confession paradigm. *Legal and Criminological Psychology*, 13 (1), 71–88. <https://doi.org/10.1348/135532507X193051>
61. Narchet, F. M., Meissner, C. A., Russano, M. B. (2011). Modeling the influence of investigator bias on the elicitation of true and false confessions. *Law and Human Behavior*, 35 (6), 452–465. <https://doi.org/10.1007/s10979-010-9257-x>
62. Yang, Y., Madon, S., Guyll, M. (in press). Shortsighted confession decisions: The role of uncertain and delayed consequences. *Law and Human Behavior*.
63. Madon, S., Guyll, M., Scherr, K. C., Greathouse, S., Wells, G. L. (2012). Temporal discounting: The differential effect of proximal and distal consequences on confession decisions. *Law and Human Behavior*, 36 (1), 13–20. <https://doi.org/10.1007/s10979-011-9267-3>
64. Madon, S., Yang, Y., Smalarz, L., Guyll, M., Scherr, K. C. (2013). How factors present during the immediate interrogation situation produce short-sighted confession decisions. *Law and Human Behavior*, 37 (1), 60–74. <https://doi.org/10.1037/lhb0000011>
65. Houston, K., Meissner, C. A., Evans, J. R. (2014). Psychological processes underlying true and false confessions. In R. Bull (Ed.), *Investigative interviewing* (pp. 19–34). New York, NY, Springer.
66. Russano, M. B., Meissner, C. A., Narchet, F. M., Kassin, S. M. (2005). Investigating true and false confessions within a novel experimental paradigm. *Psychological Science*, 16 (6), 481–486.
67. Bedau, H. A., Radelet, M. L. (1987). Miscarriages of justice in potentially capital cases. *Stanford Law Review*, 40, 21–179.
68. Gross, S. R., Jacoby, K., Matheson, D. J., Montgomery, N., Patel, S. (2005). Exonerations in the United States, 1989 through 2003. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 95, 523–553.
69. Gross, S. R., Shaffer, M. (2012). *Exonerations in the United States, 1989–2012: Report by National Registry of Exonerations*. Retrieved from University of Michigan Law School website: <https://www.law.umich.edu/special/exoneration/Documents/exonerationsus19892012fullreport.pdf>
70. Warden, R. (2003). *The role of false confessions in Illinois wrongful murder convictions since 1970*. Chicago, IL, Center on Wrongful Convictions.
71. *Innocence Project*. (2014). Retrieved from <http://www.innocenceproject.org>
72. University of Michigan Law School. (2014). *National Registry of Exonerations*. Retrieved from <https://www.law.umich.edu/special/exoneration/Pages/about.aspx>
73. Findley, K. (2008). Toward a new paradigm of criminal justice: How the innocence movement merges crime control and due process. *Texas Tech Law Review*, 41, 133–173.

74. White, W. S. (2001). *Miranda's waning protections: Police interrogation practices after Dickerson*. Ann Arbor, MI, University of Michigan Press.
75. Blandon-Gitlin, I., Sperry, K., Leo, R. A. (2011). Jurors believe interrogation tactics are not likely to elicit false confessions: Will expert witness testimony inform them otherwise? *Psychology, Crime & Law*, 17 (3), 239–260. <https://doi.org/10.1080/10683160903113699>
76. Chojnacki, D., Cicchini, M., & White, L. (2008). An empirical basis for the admission of expert testimony on false confessions. *Arizona State Law Journal*, 40, 1–45.
77. Costanzo, M., Shaked-Schroer, N., Vinson, K. (2010). Juror beliefs about police interrogations, false confessions, and expert testimony. *Journal of Empirical Legal Studies*, 7 (2), 231–247.
78. Henkel, L. A., Coffman, K. A. J., Dailey, E. M. (2008). A survey of people's attitudes and beliefs about false confessions. *Behavioral Sciences & the Law*, 26 (5), 555–584. <https://doi.org/10.1037/a0023589>
79. Leo, R. A., Liu, B. (2009). What do potential jurors know about police interrogation and false confessions? *Behavioral Sciences and the Law*, 27 (3), 381–399. <https://doi.org/10.1002/bsl.872>
80. Leo, R. A. (2001). False confessions: Causes, consequences, and solutions. In S. D. Westervelt, J. A. Humphrey (Eds.), *Wrongly convicted: Perspectives on failed justice* (pp. 36–54). Newark, NJ, Rutgers University Press.
81. Davis, D., Leo, R. A. (2010). Overcoming judicial preferences for person versus situation-based analyses of interrogation induced confessions. *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*, 38 (2), 187–194.
82. Ross, L. (1977). The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process. *Advances in Experimental Social Psychology*, 10, 173–221. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60357-3](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60357-3)
83. Gudjonsson, G. H. (2003). *The psychology of interrogations and confessions: A handbook*. New York, NY, Wiley.
84. McCann, J. T. (1998). A conceptual framework for identifying various types of confessions. *Behavioral Sciences and the Law*, 16 (4), 441–453. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0798\(199823\)16:4<441::AID-BSL320>3.0.CO;2-W](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0798(199823)16:4<441::AID-BSL320>3.0.CO;2-W)
85. Leo, R. A., Drizin, S. A. (2010). The three errors: Pathways to false confession and wrongful conviction. In D. Lassiter, C. A. Meissner (Eds.), *Police interrogations and false confessions: Current research, practice, and policy recommendations* (pp. 9–30). Washington, DC, American Psychological Association.
86. Davis, D., Leo, R. A. (2006). Strategies for preventing false confessions and their consequences. In M. Kebbell, G. Davies (Eds.), *Practical psychology for forensic investigations and Prosecutions* (pp. 121–149). New York, NY, John Wiley & Sons.
87. Inbau, F., Reid, J., Buckley, J., & Jayne, B. (2001). *Criminal interrogation and confessions* (4th ed.). Gaithersburg, MD, Aspen.
88. Kassin, S. M. (2006). A critical appraisal of modern police interrogations. In T. Williamson (Ed.), *Investigative interviewing: Rights, research, regulation* (pp. 207–228). Portland, OR, Willan.
89. Masip, J., Barba, A., Herrero, C. (2012). Behavior analysis interview and common sense: A study with novice and experienced officers. *Psychiatry, Psychology and Law*, 19 (1), 21–34. <https://doi.org/10.1080/13218719.2010.543402>
90. Masip, J., Herrero, C. (2013). "What would you say if you were guilty?" Suspects' strategies during a hypothetical behavior analysis interview concerning a serious crime. *Applied Cognitive Psychology*, 27 (1), 60–70. <https://doi.org/10.1002/acp.2872>
91. Masip, J., Herrero, C., Garrido, E., Barba, A. (2011). Is the behavior analysis interview just common sense? *Applied Cognitive Psychology*, 25 (4), 593–604. <https://doi.org/10.1002/acp.1728>
92. Vrij, A., Mann, S., Fisher, R. P. (2006). An empirical test of the behavior analysis interview. *Law and Human Behavior*, 30 (3), 329–345. <https://doi.org/10.1007/s10979-006-9014-3>
93. Bond, C. F., DePaulo, B. M. (2006). Accuracy of deception judgments. *Personality & Social Psychology Review*, 10, 214–234.
94. DePaulo, B. M., Lindsay, J. J., Malone, B. E., Muhlenbruck, L., Charlton, K., Cooper, H. (2003). Cues to deception. *Psychological Bulletin*, 129 (1), 74–112. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.1.74>
95. Vrij, A. (2008). *Detecting lies and deceit: Pitfalls and opportunities* (2nd ed.). Chichester, UK, John Wiley.
96. Vrij, A., Fisher, R. P., Mann, S., Leal, S. (2010). Lie detection: Pitfalls and opportunities. In G. D. Lassiter & C. A. Meissner (Eds.), *Police interrogations and false confessions: Current research, practice, and policy recommendations* (pp. 97–110). Washington, DC, American Psychological Association.
97. Hartwig, M., Bond, C. F. (2011). Why do lie catchers fail? A lens model of meta-analysis of human lie judgments. *Psychological Bulletin*, 137 (4), 643–659.
98. Ekman, P., O'Sullivan, M. (1991). Who can catch a liar? *American Psychologist*, 46 (9), 913–920. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.46.9.913>
99. Hartwig, M., Granhag, P. A., Stromwall, L. A., Vrij, A. (2004). Police officers' lie detection accuracy: Interrogating freely vs. observing video. *Police Quarterly*, 7, 429–456.
100. Kassin, S. M., Fong, C.T. (1999). "I'm innocent!": Effects of training on judgments of truth and deception in the interrogation room. *Law and Human Behavior*, 23 (5), 499–516. <https://doi.org/10.1023/A:1022330011811>

101. Masip, J., Alonso, H., Garrido, E., Herrero, C. (2009). Training to detect what? The biasing effects of training on veracity judgments. *Applied Cognitive Psychology*, 23 (9), 1282–1296. <https://doi.org/10.1002/acp.1535>
102. Vrij, A. (2004). Why professionals fail to catch liars and how they can improve. *Legal & Criminological Psychology*, 9, 159–181.
103. Kassin, S. M., Gudjonsson, G. H. (2004). The psychology of confessions: A review of the literature and issues. *Psychological Science in the Public Interest*, 5 (2), 35–67. <https://doi.org/10.1111/j.1529-1006.2004.00016.x>
104. Lykken, D. T. (1998). *Tremor in the blood: Uses and abuses of the lie detector*. New York, NY, Plenum.
105. Hirsch, A. (2014). Going to the source: The "new" Reid method and false confessions. *Ohio State Journal of Criminal Law*, 11 (2), 803–826.
106. Lopez, A. B. (2002). \$10 and a denim jacket? A model statute for compensating the wrongly convicted. *University of Georgia Law Review*, 36, 665–722.
107. Risinger, D. M., Loop, J. L. (2002). Three card monte, Monty Hall, modus operandi, and offender profiling: Some lessons of modern cognitive science for the law of evidence. *Cardozo Law Review*, 24, 193–285.
108. Meissner, C. A., Kassin, S. M. (2002). "He's guilty!" Investigator bias in judgments of truth and deception. *Law and Human Behavior*, 26 (5), 469–480.
109. Meissner, C. A., Kassin, S. M. (2004). "You're guilty, so just confess!" Cognitive and confirmational biases in the interrogation room. In G. D. Lassiter (Ed.), *Interrogations, confessions, and entrapment* (pp. 85–106). New York, NY, Kluwer Academic.
110. Hill, C., Memon, A., McGeorge, P. (2008). The role of confirmation bias in suspect interviews: A systematic evaluation. *Legal and Criminological Psychology*, 13 (2), 357–371. <https://doi.org/10.1348/135532507X238682>
111. Kassin, S. M., Goldstein, C. J., Savitsky, K. (2003). Behavioral confirmation in the interrogation room: On the dangers of presuming guilt. *Law and Human Behavior*, 27 (2), 187–203. <https://doi.org/10.1023/A:1022599230598>
112. Leo, R. A. (1996). *Miranda's revenge: Police interrogation as a confidence game*. *Law and Society Review*, 30 (2), 259–288. <https://doi.org/10.2307/3053960>
113. Simon, D. (1991). *Homicide: A year on the killing streets*. Boston, MA, Houghton Mifflin Company.
114. Simon, D. (2012). *In doubt: The psychology of the criminal justice process*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
115. Possley, M., Ferkenhoof, E., Mills, S. (2002, February 8). Police arrest 2 in Roscetti case; Officials say tip led them to pair, who confessed. *Chicago Tribune*. <http://articles.chicagotribune.com/2002-02-08/news/02020803211police-arrest-duane-roach-larry-ollins>
116. Gilovich, T. (1991). *How we know what isn't so: The fallibility of human reason in everyday life*. New York, NY, The Free Press.
117. Findley, K., Scott, M. (2006). The multiple dimensions of tunnel vision in criminal cases. *Wisconsin Law Review*, 291–398.
118. Leo, R. A. (2013). Why interrogation contamination occurs. *The Ohio State Journal of Criminal Law*, 11, 193–215.
119. Gross, S. R. (1996). The risks of death: Why erroneous convictions are common in capital cases. *Buffalo Law Review*, 44, 469–500.
120. Kassin, S. M., Drizin, S. A., Grisso, T., Gudjonsson, G. H., Leo, R. A., Redlich, A. (2010). Police-induced confessions: Risk factors and recommendations. *Law and Human Behavior*, 34 (1), 3–38. <https://doi.org/10.1007/s10979-009-9188-6>
121. Blagrove, M. (1996). Effects of length of sleep deprivation on interrogative suggestibility. *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 2 (1), 48–59. <https://doi.org/10.1037/1076-898X.2.1.48>
122. Frenda, S. J., Patihis, L., Loftus, E. F., Lewis, H. C., Fenn, K. M. (2014). Sleep deprivation and false memories. *Psychological Science*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/0956797614534694>
123. Harrison, Y., Horne, J. A. (2000). The impact of sleep deprivation on decision making: A review. *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 6 (3), 236–249.
124. American Psychiatric Association. (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (5th ed.) Washington, DC.
125. Cloud, M., Shepherd, G. B., Barkoff, A. N., Shur, J. V. (2002). Words without meaning: The constitution, confessions and mentally retarded suspects. *University of Chicago Law Review*, 69 (2), 495–624.
126. Clare, I. C. H., Gudjonsson, G. H. (1995). The vulnerability of suspects with intellectual disabilities during police interviews: A review and experimental study of decision-making. *Mental Handicap Research*, 8 (2), 110–128. <https://doi.org/10.1111/j.1468-3148.1995.tb00149.x>
127. Conley, R. W., Luckasson, R., Bouthilet, G. N. (Eds.). (1992). *The criminal justice system and mental retardation: Defendants and victims*. Baltimore, MD, Paul H. Brookes.
128. Perske, R. (1991). *Unequal justice: What can happen when persons with retardation or other developmental disabilities encounter the criminal justice system*. Nashville, TN, Abingdon Press.
129. Ellis, J., Luckasson, R. (1985). Mentally retarded defendants. *The George Washington Law Review*, 53, 414–493.

130. Gudjonsson, G. H., Clare, I. C. H., Rutter, S., Pearse, J. (1993). *Persons at risk during interviews in police custody: The identification of vulnerabilities (Royal Commission on Criminal Justice Research Study No. 12)*. London, UK, Her Majesty's Stationery Office.
131. Drizin, S. A., Colgan, B. (2004). Tales from the juvenile confession front: A guide to how standard police interrogation tactics can produce coerced and false confessions from juvenile suspects. In G. Daniel Lassiter (Ed.), *Interrogations, confessions, and entrapment* (pp. 127–162). New York, NY, Kluwer Academic.
132. Owen-Kostelnik, J., Reppucci, N. D., Meyer, J. R. (2006). Testimony and interrogation of minors: Assumptions about maturity and morality. *American Psychologist*, 61 (4), 286–304. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.61.4.286>
133. Redlich, A. D. (2010). The susceptibility of juveniles to false confessions and false guilty pleas. *Rutgers Law Review*, 62, 943–957.
134. Redlich, A. D. (2004). Mental illness, police interrogations, and the potential for false confession. *Psychiatric Services*, 55 (1), 19–21.
135. Redlich, A. D., Kulish, R., Steadman, H. J. (2011). Comparing true and false confessions among persons with serious mental illness. *Psychology, Public Policy and Law*, 17 (3), 394–418. <https://doi.org/10.1037/a0022918>
136. Salas, C. (2004). The case for excluding confessions of the mentally ill. *Yale Journal of the Law and Humanities*, 243–275.
137. Appleby, S. C., Hasel, L. E., Kassin, S. M. (2013). Police-induced confessions: An empirical analysis of their content and impact. *Psychology, Crime & Law*, 19, 111–128. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2011.613389>
138. Garrett, B. L. (2010). The substance of false confessions. *Stanford Law Review*, 62, 1051–1118.
139. Garrett, B. L. (in press). Contaminated confessions revisited. *University of Virginia Law Review*. <http://ssrn.com/abstract=2485536>
140. Leo, R. A., Davis, D. (2010). From false confession to wrongful conviction: Seven psychological processes. *The Journal of Psychiatry and the Law*, 38 (12), 9–56.
141. Kassin, S. M., Neumann, K. (1997). On the power of confession evidence: An experimental test of the fundamental difference hypothesis. *Law and Human Behavior*, 21 (5), 460–484. <https://doi.org/10.1023/A:1024871622490>
142. Kassin, S. M., Sukel, H. (1997). Coerced confessions and the jury. *Law and Human Behavior*, 21 (1), 27–46. <https://doi.org/10.1023/A:1024814009769>
143. Miller, G. R., Boster, F. J. (1977). Three images of the trial: Their implications for psychological research. In B. Sales (Ed.), *Psychology in the legal process* (pp. 19–38). New York, NY, Pocket Books.
144. Castelle, G., Loftus, E. F. (2001). Misinformation and wrongful convictions. In S. D. Westervelt & J. A. Humphrey (Eds.), *Wrongly convicted: Perspectives on failed justice* (pp. 17–35). Newark, NJ, Rutgers University Press.
145. Hasel, L. E., Kassin, S. M. (2009). On the presumption of evidentiary independence: Can confessions corrupt eyewitness identifications? *Psychological Science*, 20 (1), 122–126. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02262.x>
146. Inbau, F., Reid, J., Buckley, J., Jayne, B. (2013). *Criminal interrogation and confessions* (5th ed.). Burlington, MA, Jones & Bartlett.
147. Moore, T. E., Fitzsimmons, C. L. (2011). Justice imperiled: False confessions and the Reid technique. *Criminal Law Quarterly*, 57, 509–542.
148. Nardulli, P., Eisenstein, J., Fleming, R. (1988). *The tenor of justice: Criminal courts and the guilty plea process*. Urbana, IL, University of Illinois Press.
149. *People v. Cahill*, 853 P.2d 1037 (Cal. 1993).
150. Wallace, D. B., Kassin, S. M. (2012). Harmless error analysis: How do judges respond to confession errors? *Law and Human Behavior*, 36 (2), 151–157. <https://doi.org/10.1007/s10979-010-9262-0>
151. Givelber, D. (2001). The adversary system and historical accuracy: Can we do better? In S. D. Westervelt, J. A. Humphrey (Eds.), *Wrongly convicted: Perspectives on failed justice* (pp. 253–268). Newark, NJ, Rutgers University Press.
152. Leo, R. A., Richman, K. D. (2007). Mandate the electronic recording of police interrogations. *Criminology and Public Policy*, 6 (4), 791–798. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9133.2007.00467.x>
153. Leo, R. A. (1998). Miranda and the problem of false confessions. In R. A. Leo, G. C. Thomas III (Eds.), *The Miranda debate: Law, justice and policing* (pp. 271–282). Boston, MA, Northeastern University Press.
154. Leo, R. A., Costanzo, M., Shaked, N. (2009). Psychological and cultural aspects of interrogations and false confessions: Using research to inform legal decision-making. In J. Lieberman, D. Krauss (Eds.), *Psychology in the Courtroom* (pp. 25–56). London, UK, Ashgate.
155. Sullivan, T. P. (2014, April). Compendium shows more jurisdictions recording custodial interrogation. *The Champion*, 46–47.
156. Sullivan, T. P. (2010). The wisdom of custodial recording. In G. D. Lassiter, C. A. Meissner (Eds.), *Police interrogations and false confessions: Current research, practice, and policy recommendations* (pp. 127–124). Washington, DC, American Psychological Association.

157. Kamisar, Y. (1980). *Police interrogation and confessions: Essays in law and policy*. Ann Arbor, MI, University of Michigan Press.
158. Sullivan, T. P. (2004). *Police experiences with recording custodial interrogations*. Chicago, IL, Northwestern University Law School, Center on Wrongful Conviction.
159. Kassin, S. M., Kukucka, J., Lawson, V. Z., DeCarlo, J. (2014). Does video recording alter the behavior of Police during interrogation? A mock crime- and-investigation study. *Law and Human Behavior*, 38 (1), 73–83. <https://doi.org/10.1037/lhb0000047>
160. White, W. S. (1997). False confessions and the constitution: Safeguards against untrustworthy evidence. *Harvard Civil Rights-Civil Liberties Law Review*, 32, 105–157.
161. Leo, R. A., Drizin, S. A., Neufeld, P. J., Hall, B. R., Vatner, A. (2006). Bringing reliability back in: False confessions and legal safeguards in the twenty-first century. *Wisconsin Law Review*, 479–539.
162. Federal Rules of Evidence. (2014). *Federal evidence review*. www.FederalEvidence.Com
163. Leo, R. A., Koenig, A. (2010). The gatehouse and mansions: Fifty years later. *The Annual Review of Law and Social Science*, 6 (1), 323–339. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-102209-152938>
164. Du Clos, Stacy (2014). Lessons from State v. Lawson: The reliability framework applied to confessions and admissions. *Lewis & Clark Law Review*, 18, 227–270.
165. Thompson, S. G. (2012). Judicial gatekeeping of police-generated witness testimony. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 102, 329–395.
166. Imwinkelreid, E. (1988). The meaning of probative value and prejudice in federal rule of evidence 403: Can rule 403 be used to resurrect the common law of evidence? *Vanderbilt Law Review*, 41, 879–907.
167. Thompson, S. G. (2012). Daubert gatekeeping for eyewitness identifications. *SMU Law Review*, 65, 593–649.
168. *Daubert v. Merrill Pharmaceuticals*, 509 U.S. 579 (1993).
169. Oakland Police Department (1998). *Analytic interviewing. Unpublished interrogation training manual*.
170. Covey, R. (2005). Interrogation warrants. *Cardozo Law Review*, 26, 1867–1946.
171. White, W. S. (2003). Confessions in capital cases. *University of Illinois Law Review*, 9791036.
172. Costanzo, M., Leo, R. A. (2007). Research and expert testimony on interrogations and confessions. In M. Costanzo, D. Krauss, K. Pezdek (Eds.), *Expert psychological testimony for the courts* (pp. 69–98). Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum.
173. Cutler, B., Findley, K., Loney, D. (2014). Expert testimony on interrogation and false confession. *UMKC Law Review*, 82, 1–36.
174. Fulero, S. (2004). Expert psychological testimony on the psychology of interrogations and confessions. In D. Lassiter (Ed.), *Interrogations, confession and entrapment* (pp. 247–263). New York, NY, Kluwer.
175. Leo, R. A. (2004). Beating a bum rap. *Contexts*, 3 (3), 68–69. <https://doi.org/10.1525/ctx.2004.3.3.68>
176. Grann, D. (2009, September 7). Trial by fire: Did Texas execute an innocent man? *The New Yorker*, 42–63.
177. Liebman, J. S. (2014). *The wrong Carlos: Anatomy of a wrongful execution*. New York, NY, Columbia University Press.
178. Lofquist, W. S., Harmon, T. R. (2008). Fatal errors: Compelling claims of executions of the innocent in the post-Furman Era. In C. R. Huff & M. Killias (Eds.), *Wrongful conviction: International perspectives on miscarriages of justice* (pp. 93115). Philadelphia, PA, Temple University Press.
179. Prejean, H. (2005). *The death of innocents: An eyewitness account of wrongful executions*. New York, NY, Random House.
180. Radelet, M. L., Bedau, H. A. (1998). The execution of the innocent. *Law and Contemporary Problems*, 61 (4), 105–124. <https://doi.org/10.2307/1192431>
181. Leo, R. A., Gould, J. B. (2009). Studying wrongful convictions: Learning from social science. *The Ohio State Journal of Criminal Law*, 7, 7–30.
182. Borchard, E. M. (1932). *Convicting the innocent: Errors of criminal justice*. New Haven, Yale university Press.
183. Gardner, E. S. (1952). *The Court of last resort*. New York, NY, Pocket Books.
184. Frank, J., Frank, B. (1957). *Not guilty*. New York, NY, Doubleday.
185. Radin, E. (1964). *The innocents*. New York, NY, William Morrow and Co.
186. Garrett, B. L. (2008). Judging innocence. *Columbia Law Review*, 108, 55–142.
187. Zalman, M. (2010–2011). An integrated justice model of wrongful convictions. *Albany Law Review*, 74, 1465–1524.
188. Leo, R. A. (2005). Re-thinking the study of miscarriages of justice: Developing a criminology of wrongful conviction. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 21 (3), 201–223.
189. Lofquist, W. S. (2014). Finding the causes in the contexts: Structural sources of wrongful convictions. In A. D. Redlich, J. R. Acker, R. J. Norris, C. L. Bonventre (Eds.), *Examining wrongful convictions: Stepping back, moving forward* (pp. 19–33). Durham, NC, Carolina Academic Press.
190. Radelet, M. L., Bedau, H. A., & Putnam, C. E. (1992). *In spite of Innocence: Erroneous convictions in capital cases*. Boston, MA, Northeastern University Press.

191. Connors, E., Lundregan, T., Miller, N., McEwen, T. (1996). *Convicted by juries, exonerated by science: Case studies in the use of DNA evidence to establish innocence after trial*. Retrieved from National Criminal Justice Reference Service website: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles/dnaevid.pdf>
192. *Kansas v. Marsh*, 548 U.S. 163 (2006).
193. Baumgartner, F., R. De Boef, S. L., Bodstun, A. E. (2008). *The decline of the death penalty and the discovery of innocence*. New York, NY, Cambridge University Press.
194. Radelet, M. L. (2002). Introduction: Wrongful convictions of the innocent. *Judicature*, 86 (2), 67–68.
195. Lofquist, W. S. (2001). Whodunit? An examination of the production of wrongful convictions. In S. D. Westervelt, J. A. Humphrey (Eds.), *Wrongly convicted: Perspectives on failed justice* (pp. 174–198). Newark, NJ, Rutgers University Press.
196. Harmon, T. R. (2001). Predictors of miscarriages of justice in capital cases. *Justice Quarterly*, 18 (4), 949–968.
197. Forst, B. (2004). *Errors of justice: Nature, sources and remedies*. Cambridge, UK, Cambridge University Press.
198. Acker, J., Brewer, T., Cunningham, E., Fitzgerald, A., Flexon, J., Lombard, J., ... Stodghill, B. (2001). No appeal from the grave: Innocence, capital punishment and the lessons of history. In S. D. Westervelt & J. A. Humphrey (Eds.), *Wrongly convicted: Perspectives on failed justice* (pp. 154–173). Newark, NJ, Rutgers University Press.
199. Huff, C. R., Rattner, A. & Sagarin, E. (1996). *Convicted but innocent: Wrongful conviction and public policy*. Thousand Oaks, CA, Sage Publications.
200. Poveda, T. G. (2001). Estimating wrongful convictions. *Justice Quarterly*, 18 (3), 689–708. <https://doi.org/10.1080/07418820100095061>
201. Westervelt, S. D., Humphrey, J. A. (Eds.). (2001). *Wrongly convicted: Perspectives on failed justice*. Newark, NJ, Rutgers University Press.
202. Godsey, M. A., Pulley, T. (2003–2004). The innocence revolution and our evolving standards of decency in death penalty jurisprudence. *University of Dayton Law Review*, 29, 265–292.
203. Marshall, L. C. (2004). The innocence revolution and the death penalty. *Ohio State Journal of Criminal Justice*, 1, 573–584.
204. Medwed, D. S. (2010). Emotionally charged: The prosecutorial charging decision and the innocence revolution. *Cardozo Law Review*, 31 (6), 2187–2213.
205. Medwed, D. S. (2008). Innocentism. *University of Illinois Law Review*, 1549–1572.
206. Schehr, R. C. (2005). The criminal cases review commission as a state strategic selection mechanism. *American Criminal Law Review*, 42, 1289–1302.
207. Findley, K. (2014). Innocence found: The new revolution in American criminal justice. In S. Cooper (Ed.), *Controversies in innocence cases in America* (pp. 3–20). Surrey, England, Ashgate.
208. Findley, K. (2010–2011). Defining innocence. *Albany Law Review*, 74, 1157–1208.
209. Warden, R. (2012). How and why Illinois abolished the death penalty. *Law and Inequality*, 30, 245–286.
210. Unnever, J. D., Cullen, F. T. (2005). Executing the innocent and support for capital punishment: Implications for public policy. *Criminology and Public Policy*, 4 (1), 3–38. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9133.2005.00002.x>
211. Baumgartner, F., R. Westervelt, S. D., Cook, K. J. (2014). Public policy responses to wrongful convictions. In A. Redlich, J. R. Acker, R. J. Norris, C. Bonventre (Eds.), *Examining wrongful convictions: Stepping back, moving forward* (pp. 251–266). Durham, NC, Carolina Academic Press.
212. Wells, G. L., Small, M., Penrod, S., Malpass, R. S., Fulero, S. M., Brimacombe, C. A. E. (1998). Eyewitness identification procedures: Recommendations for lineups and photo spreads. *Law and Human Behavior*, 22 (6), 603–647.
213. Cutler, B. L. (Ed.). (2013). *Reform of eyewitness identification procedures*. Washington, DC, American Psychological Association.
214. National Research Council. (2014). *Identifying the culprit: Assessing eyewitness identification*. Washington, DC, The National Academies Press.
215. Clark, S. (2013). Costs and benefits of eyewitness identification reform: Psychological science and public policy. *Perspectives on Psychological Science*, 7(3), 238–259. <https://doi.org/10.1177/1745691612439584>
216. Cole, S. A. (2014). The innocence crisis and forensic science reform. In M. Zalman, J. Carrano (Eds.), *Wrongful conviction and criminal justice reform: Making justice* (pp. 167–185). New York, NY, Routledge.
217. Mnookin, J. L., Cole, S. A., Dror, I. E., Fisher, B. A. J., Houck, M. M., Inman, K. ... Stoney, D. A. (2011). The need for a research culture in the forensic sciences. *UCLA Law Review*, 58, 725–779.
218. National Research Council. (2009). *Strengthening forensic science: A path forward*. Washington, DC, The National Academies Press.

219. Natapoff, A. (2009). *Snitching: Criminal informants and the erosion of American justice*. New York, NY, New York University Press.
220. Neuschatz, J. S., Jones, N. J., Wetmore, S. A., McClung, J. (2011). Unreliable informant testimony. In B. L. Cutler (Ed.), *Conviction of the innocent: Lessons from psychological research* (pp. 213–238). Washington, DC, American Psychological Association.
221. Neuschatz, J. S., Wilkinson, M. L., Goodsell, C. A., Wetmore, S. A., Qunlivan, D. S., Jones, N. J. (2012). Secondary confessions, expert testimony, and unreliable confessions. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 27 (2), 179–192. <https://doi.org/10.1007/s11896-012-9102-x>
222. Wetmore, S. A., Neuschatz, J. S., Gronlund, S. D. (2014). On the power of secondary confession evidence. *Psychology, Crime and Law*, 20 (4), 339–357. <https://doi.org/10.1080/1068316X.2013.777963>
223. Gould, J. B., Leo, R. A. (2010). One-hundred years later: Wrongful convictions after a century of research. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 100, 825–868.
224. Norris, R., Bonaventure, C. (2013). Advancing Wrongful Conviction Scholarship: Towards New Conceptual Frameworks. *Justice Quarterly*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/07418825.2013.827232>
225. Zalman, M. (2014). Theorizing wrongful convictions. In A. D. Redlich, J. R. Acker, R. J. Norris, C. L. Bonventre (Eds.), *Examining wrongful convictions: Stepping back, moving forward* (pp. 283–300). Durham, NC, Carolina Academic Press.
226. *Miranda v. Arizona*, 384 U.S. 436. (1966).
227. Leo, R. A. (2014). The Justice Gap and the Promise of Criminological Research, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15 (3), 1–37.

Об авторе

Ричард А. Лео является профессором права и социологии университета Сан-Франциско, в прошлом профессор психологии и криминологии Калифорнийского университета в Ирвайне. В 2014 г. он получил премию Поля Таппана Западного общества криминологии за выдающийся вклад в криминологию в четырех различных областях.

Первая область – это эмпирические исследования практик полицейского допроса. Его книга «Полицейский допрос и американское правосудие» (*Police Interrogation and American Justice*), опубликованная в 2008 г. в издательстве Гарвардского университета, стала определяющей криминологической работой по данной теме. Книга удостоилась четырех наград, включая престижную премию Герберта Якоба (*Herbert Jacob Prize*) от Ассоциации «Право и общество» и премию «Выдающаяся книга» (*Outstanding Book Award*) от Академии наук уголовного правосудия.

Вторая область, в которой доктор Лео внес значительный вклад в науку, – это эмпирические исследования влияния решения по делу *Miranda v Arizona* на полицию, подозреваемых и систему уголовного правосудия в целом. Статьи и книги профессора Лео на эту тему многократно цитировались криминологами, правоведами, социологами, а также в судах. Он широко признан как один из ведущих экспертов по делу *Miranda* в мире.

Третья область – это изучение ложных признательных показаний. Благодаря его работам не только произошел сдвиг парадигмы, позволивший понять феномен ложных признаний, но и была сформирована повестка исследований в этой области для следующего поколения ученых – криминологов и социальных психологов.

Наконец, доктор Лео внес выдающийся вклад в изучение судебных ошибок, в том числе благодаря своей программной статье 2005 г. в журнале *Journal of Contemporary Criminal Justice*.

Многочисленные статьи и книги доктора Лео в указанных областях имеют высокую цитируемость и оказывают существенное влияние не только на криминологию, но и на ряд смежных дисциплин – как можно убедиться на его странице SSRN, его статьи скачивались более 21 тысячи раз. Его исследования значимы не только в научных кругах – многие апелляционные суды и Верховный Суд США многократно цитировали его работы, а также он сотни раз выступал в качестве эксперта. Кроме того, его деятельность широко освещалась в средствах массовой информации, включая его работу по освобождению четырех невиновных осужденных по делу в штате Виргиния («Норфолкская четверка»), о которой писал еженедельник «Нью-Йоркер» и был снят документальный фильм в программе *PBS Frontline*. За свою выдающуюся работу доктор Лео удостоивался наград различных организаций, включая Американское общество криминологии, Академию наук уголовного правосудия, Американскую социологическую ассоциацию, Американское общество психологии и права, Общество изучения социальных проблем. Он также является обладателем множества грантов и стипендий, самые значимые из которых – стипендии Сороса и Гугенхайма.

About the Author

Richard A. Leo is the Hamill Family Professor of Law and Social Psychology at the University of San Francisco and formerly a Professor of Psychology and Criminology at the University of California, Irvine. He is the 2014 recipient of the Western Society of Criminology's Paul Tappan Award for outstanding contributions to the field of criminology in four distinct areas. First, Dr. Leo has substantially contributed to the empirical study of routine police interrogation practices. His 2008 book, *Police Interrogation and American Justice* (Harvard University Press) has now become the definitive criminological work on the subject. The book won four book awards, including the prestigious Herbert Jacob Prize from the Law and Society Association, as well as the Outstanding Book Award from the Academy of Criminal Justice Sciences. His second area of contribution to the field concerns the empirical study of the impact and effects of *Miranda v Arizona* on police, suspects, and the criminal justice system. Professor Leo's articles and books on the topic have been cited hundreds of times by criminologists, legal scholars, courts, and other social scientists. He is widely regarded as one of the leading experts on *Miranda* in the world. The third area in which Dr. Leo has made significant contributions to our field concerns his study of false confessions. His research not only shifted the paradigm for understanding the counterintuitive phenomenon of false confession, but so also created a research agenda for the next generation of criminologists and social psychologists who study the problem. Finally, Dr. Leo has made outstanding contributions to the discipline through his advancement of our knowledge concerning wrongful conviction, including his landmark 2005 article in the *Journal of Contemporary Criminal Justice*. Dr. Leo's numerous articles and books in each of these areas have been widely cited and influential not only in criminology but in a number of related disciplines – as evident on his SSRN webpage, which counts over 21,000 downloads of his posted articles. His research has also been influential outside of academia and in the courts, where various appellate courts and the United States Supreme Court have cited his research on multiple occasions, and he has appeared as an expert witness hundreds of times. In addition his work has received substantial media coverage, including a story on the work he did to help free four innocent prisoners in Virginia (the Norfolk Four) which appeared in *The New Yorker* and in a PBS Frontline documentary. As a result of his outstanding record, Dr. Leo has won awards from many organizations, including the American Society of Criminology, the Academy of Criminal Justice Sciences, the American Sociological Association, American Psychology-Law Society, and the Society for the Study of Social Problems. He has also been the recipient of numerous grants and fellowships, most notably a Soros Fellowship and a Guggenheim fellowship.

Дата поступления / Received 22.06.2022

Дата принятия в печать / Accepted 28.07.2022